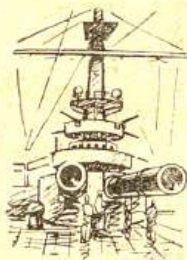

И. Л. Ы Ч Е В

ПОТЕМКИНЦЫ

ВОСПОМИНАНИЯ
О ВОССТАНИИ НА БРОНЕНОСЦЕ
„КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ“
27/14 ИЮНЯ 1905 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1937

Нашей великолепной социалистической молодежи, радостному и счастливому поколению великого Октября, посвящаю эту книгу.

И. ЛЫЧЕВ.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Потемкинцы» — автобиографическая повесть. Автор ее — старый большевик-пролетарий, один из руководителей восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

Значение этого исторического восстания, положившего начало переходу царской армии на сторону революции, огромно. «...переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу...»¹, писал о нем Ленин. Несомненно, воспоминания И. Лычева представляют большую ценность и будут встречены читателем с глубоким интересом. Они тем более имеют на это право, что автор не ограничивается только рассказом о самом восстании. И. Лычев дает много фактического материала о подготовке к восстанию в Черноморском флоте, о формах революционной работы среди матросов и обстановке, в которой она протекала.

«Потемкинцы», кроме того, восполняют существенный пробел в обширной литературе о «Потемкине». Большинство авторов заканчивают свои воспоминания сдачей броненосца в Румынии, оставляя читателей в неведении о дальнейшей судьбе его революционной команды. И. Лычев посвящает вторую часть книги рассказу о жизни потемкинцев в эмиграции и их борьбе за сохранение своего коллектива для грядущих революционных боев.

¹ Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 390, изд. 3-е.

ОТ АВТОРА

Я написал эту книгу в 1935 г., к 30-летнему юбилею исторического восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Мне пришлось быть самому участником этого героического восстания, явившегося первым вестником перехода царской армии на сторону революции. О нем написано немало хороших книг, но мне хочется рассказать нашей молодежи не только о самом восстании, но и о том, как жизнь пролетариев и крестьян в проклятые годы царизма вдохновляла их на революционную борьбу. Мне хочется показать, из каких рядов великая ленинская партия вербовала своих борцов и какими путями они приходили к ней.

Мы живем в счастливое радостное время. От страшной царской России не осталось и следа. В нашей великой Советской стране уже осуществлен в основном социализм. Сбылись самые лучшие, самые заветные мечты борцов революции, бесстрашно отдававших свою жизнь за дело пролетариата в те далекие годы. Нашей рабочей и колхозной молодежи не только интересно, но и полезно знать, как жили и боролись их отцы до победы великого Октября. Это должно укреплять их веру в свои силы, мобилизовать их волю на дальнейшую борьбу для завоевания новых побед коммунизма, под руководством нашей испытанной в многолетних победоносных боях большевистской партии и любимого вождя, учителя и друга трудящихся товарища Сталина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Счастливая невозвратная пора», — так называет детство один из дореволюционных русских писателей. Но эти проникновенные слова нельзя было применить к детству пролетариев и крестьян. В царской России счастливое детство было уделом лишь дворянской и буржуазной детворы. Детство пролетариев и крестьян являлось едва ли не самым тяжелым, самым безрадостным периодом в их суровой, исполненной лишений жизни.

Невеселое было и у меня детство. Родился я в тяжелую для моих родителей пору. Семья бедствовала. Отец крестьянствовал в селе Обшаровке Самарской губернии, — работал много и упорно, но никак не удавалось ему сводить концы с концами. Хозяйство было скудное, бедняцкое. Даже коровы не было, и чтобы раздобыть молока для нас, двух малышей, матери приходилось работать у богатых соседей.

Долго не сдавался отец, все надеялся, что выправит хозяйство и вылезет из нужды. Но толку из его тяжелой работы не выходило. Разоряли налоги, хлеба систематически не хватало для прокормления семьи, а тут еще «крестьянское горе» — лошади околевали. Отец не выдержал и решил попытать счастья на отхожих промыслах.

В те годы только-только начали проникать в крестьянское хозяйство такие несложные машины, как конная молотилка. Отцу думалось, что если он приобретет эту машину и станет молотить ею хлеб у крестьян, — это окажется выгодным делом. Ликвидировав все свое нехитрое хозяйство, отец купил молотилку и отправился с нею по окрестным деревням. Мать он увез с собой, а мы с братом остались на попечении бабушки.

На всю жизнь запомнились мне эти годы. Дряхлая, полуслепая бабушка была неспособна ни к какой работе и меньше всего к уходу за детьми, — мы буквально обрастали грязью.

Отец с матерью отсутствовали по несколько месяцев подряд, наезжали домой редко, и, пожалуй, эти приезды и были моей единственной детской радостью. Мать отмывала нас, избавляла на время от паразитов, приводила в порядок нашу немудреную одежонку.

В 1890 году мне минуло восемь лет, и я начал посещать школу. Учился я охотно, учитель хвалил меня как способного и толкового паренька, но закончить школу мне не пришлось. Через два года отец, убедившись, что и молотилка, на которую он возлагал так много надежд, не поможет ему одолеть нищету, решил покинуть деревню и перебраться в город.

— Не везет мне, — жаловался отец на эту свою очередную неудачу.

Переехали мы всей семьей в Самару. Здесь отец арендовал постоянный двор. Но и тут ему, очевидно, «не везло»: доходов нехватало даже на прокормление семьи. О том, чтобы учить нас в школе, отцу нечего было и думать; стал он прикидывать, куда бы нас с братом пристроить в учение ремеслу.

Меня отдали в портняжную мастерскую. Радоваться мне не приходилось — перспективы открывались передо мною самые безрадостные. Учиться предстояло мне три года, жалованья никакого не полагалось, одежду и обувь должны были покупать родители, а хозяин обязывался только кормить меня. Черный хлеб и селедка стали моей постоянной едой.

Очень обрадовался я, когда за мной приехал из Обшаровки дедушка. Он нежно любил меня и надеялся устроить мне лучшую жизнь в деревне. Радость моя была так велика, что не пугали даже сто километров, которые нам с дедом нужно было прошагать пешком по морозу. Добрались мы в деревню благополучно, если не считать встречи со стаей голодных, одичавших собак. Эта встреча могла кончиться очень плохо, но нам удалось отбиться от озверевших псов.

Долго прожить в деревне у деда мне не удалось. Нужда заставляла отца стремиться сделать из меня поскорее работника, и он опять забрал меня в Самару. Попал я на службу «мальчиком» в писчебумажный магазин, но месяцев через шесть хозяин магазина обанкротился, и я остался без работы.

Спустя некоторое время отец подыскал мне место ученика в переплетной мастерской. Здесь я проработал около года, но работа очень мне не нравилась, и я осаждал отца просьбами взять меня оттуда. Отец согласился и устроил меня мальчиком в гостиницу купца Наместникова.

Работа в гостинице оказалась нетрудной и довольно прибыльной. Хозяин относился к служащим терпимо. Зарабатывать стал я изрядно, особенно на «чаевых» во время ночных дежурств; казалось бы, я попал наконец на хорошее место. Но служба в гостинице имела и свою отрицательную сторону. Мне,

двенадцатилетнему мальчику, пришлось здесь познакомиться с отвратительной изнанкой городского быта того времени. Гостиница по ночам превращалась в притон, где кутили купцы, чиновники и всякий люд вплоть до нищих, пропивавших милостыню.

Пьяный разгул выливался здесь часто в самые мерзкие формы, и я, дежуря по ночам, должен был обслуживать всю эту развратную свору. Мои обязанности были весьма разнообразны: начиная от обслуживания столов и до поездок за проститутками и развоза пьяных по домам. Кутили не жалели денег и сыпали «чаевые» направо и налево.

В одну из таких ночей я собрал 23 рубля — сумму огромную по тем временам для бедняка, подобного мне и моим родителям. Я очень хорошо помню эту цифру потому еще, что именно она послужила причиной моего ухода с этой работы. Отец и мать не поверили, чтобы я мог собрать так много «чаевых» в одну ночь, они заподозрили меня в краже этих денег и, спасая меня от соблазна, забрали домой. Так кончилась моя «карьер» в Самаре.

Вскоре отец увез меня и брата в Астрахань, а оттуда — в маленький захолустный городок Красный Яр. Я стал учеником в кондитерской и здесь-то изведаль до конца все «прелести» ученической жизни.

Бить учеников считалось здесь неотъемлемым правом каждого, кто был сильнее их. Бил нас хозяин, драла за уши хозяйка, угощали жестокими подзатыльниками мастера и подмастерья. Ученики являлись абсолютно бесправными существами, которым оставалось только плакать, забившись куда-нибудь в уголок потемнее. Жаловаться было бесполезно, да и некому, убежать — некуда. Родители мои находились далеко, чуть ли не за тысячу верст.

Днем я работал в мастерской, а ночью таскал водку и пиво мастерам и подмастерьям. Таскал и плакал, потому что в случае разоблачения меня ожидала жестокая порка от хозяина. Пробовал отказываться — мастера били. Так и изворачивались ученики, пытаясь удовлетворить и тех и других. Учились лгать, лицемерить, только бы избежать побоев, — где уж тут было думать над тем, что это нехорошо.

Лучшим другом моим, да и всех учеников, был огромный цепной пес. Он любил нас и нередко спасал от озверевших в пьяном угаре преследователей. Мастеров и подмастерьев «Барбос» не подпускал к своему логову, и там мы часто находили покой. Не раз, излив свое горе этому единственному другу, я засыпал согретый его косматой спиной. Только кухарка, кормившая пса и потому не боявшаяся его, по утрам вытаскивала меня за ухо из будки, и я, получив тумака, пулей летел на кухню ставить самовар, носить воду и дрова.

Не знаю, долго ли выдержал бы я это «учение», но мать, сердцем почуяв мою тоску, через год вырвала меня из этого ада. Слабая, изнуренная женщина, неграмотная, буквально с грошами в кармане, она рискнула пуститься в тысячеверстный путь, чтобы проведать своего сына. Преодолев голод и все трудности дороги, она разыскала меня и забрала с собой в Обшаровку.

На этот раз я очутился в батраках у местного кулака. Нанялся я на все лето за 18 рублей. Не стану подробно рассказывать о том, как я изнемогал на этой работе — жизнь батраков-подростков всегда и везде была одинакова. Пахали, боронили, водили лошадей в ночное и выполняли множество других тяжелых крестьянских работ. Чтобы хоть слегка заглу-

шить вечный голод, приходилось воровать картошку в чужих огородах. Не скрою, случалось, что мы воровали не только картошку, но и яблоки из чужих садов, а иногда и гусей зажаривали на ночных кострах.

Прошло лето. Зимой умер отец. Брату было тогда всего семнадцать лет, а мне четырнадцать. Дождались мы весны и решили попытать счастья на Волге. Добравшись до Астрахани, нанялись на баржу: брат матросом, а я кашеваром. Брату установили десять рублей жалованья в месяц, а мне девять да еще по два рубля наградных, если прослужим всю навигацию.

Наконец-то мы вздохнули свободнее. После ученического житья новая, самостоятельная жизнь показала нам раем. И то подумать — мы вдвоем с братом зарабатывали девятнадцать рублей в месяц! Эти деньги казались нам огромными. Нас никто не бил и не издевался над нами. Жили мы с братом очень экономно и поэтому не только ухитрялись сносно питаться, но даже приоделись за лето, а брат аккуратно каждый месяц отсылал матери по восемь-десять рублей.

Кончился сезон, и мы остались на зимовку в Астрахани. Брат устроил меня учеником в слесарную мастерскую. Я проучился здесь зиму, а на лето поступил кочегаром на пароход. Следующую зиму я опять обучался в слесарной мастерской, а летом плавал на пароходе уже в качестве масленщика.

Так я прожил до восемнадцати лет, а потом женился и осел в Самаре на Косе¹. Здесь прокладывался нефтепровод, и мне удалось получить работу помощника машиниста. Тут же я впервые встретился с революционерами.

Не длинен, но суров и тернист был уже пройден-

¹ К о с а — рабочий пригород Самары.

ный мною жизненный путь. С десяти лет я в жестокой борьбе отстаивал свое право на существование. Ученичество, побои, брань, постоянная нужда и одиночество способствовали быстрому формированию не только моего характера, но и мировоззрения. Ненависть к богачам и хозяевам, высасывавшим все жизненные соки из бедняков, подобных мне, ненависть ко всему общественному строю, основанному на жесточайшей эксплуатации рабочих, — определяла все мое мировоззрение. Вот почему я оказался уже вполне подготовленным к восприятию идей революционной борьбы рабочего класса с его угнетателями, когда познакомился с двумя рабочими мастерских — Михаилом Кузнецовым и Иваном Вяхиревым. Они были моими первыми воспитателями. От них я впервые узнал, что такое профессиональный союз, они помогли мне осознать себя как пролетария.

Я стал интересоваться нелегальной литературой, мне удавалось доставать ее. Мой близкий товарищ Н. Л. Варгаев занимался распространением эсеровской литературы, которой снабжал его проживавший в Самаре в качестве административно-ссыльного студент Петров. Многого я не понимал в этих книжках: ведь я тогда был малограмотен, а обращаться к грамотным людям за разъяснениями боялся. Что если вместо разъяснений они донесут на меня в охранку? А тут еще случилось несчастье. В начале 1902 года Варгаева арестовали, и доступ к нелегальной литературе для меня прекратился.

В октябре 1902 года меня забрали на военную службу. На этом закончился первый этап моего революционного воспитания.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Трудно даже представить себе, в каких ужасающих условиях проходил призыв в царскую армию.

В те времена каждый призывник обязан был явиться на призывной пункт в ту волость, где он родился. Это значило, что где бы призывник ни жил ко времени призыва, он должен был вернуться к себе на родину и явиться в комиссию по призыву.

Как правило, молодежь того времени стекалась к призывным пунктам за месяц-полтора до дня самого призыва. Весь этот срок уделялся гульбе и пьяным кутежам. Рекруты ходили по несколько человек из дома в дом, — сегодня пили у одного, завтра — у другого, и так не пропускали ни одного двора. Родители призывника обязаны были ставить угощение, и в зависимости от зажиточности устраивался прощальный обед.

У места гулянья молодежи собирались родители, жены новобранцев, слышались стоны и плач жен и матерей.

Все отдавали себе ясный отчет, что представляла служба в царской армии, молодых людей угнетала мысль о семье, остающейся на попечении родителей, которым подчас и самим есть было нечего.

Прокутив все до последнего гроша, молодежь отправлялась к старосте, либо старшине и требовала угощения. По традиции начальство ставило четверть водки и выдавало 3—5 рублей на закуску. Часто рекруты, не удовлетворившись такой жалкой подачкой, требовали большего и, получив отказ, начинали буйствовать.

Помню, когда старшина Обшаровской волости Зотов дал 10 рублей на 25 рекрутов, мы в ту же ночь забрались на конный двор старшины и кизяками (вид топлива, приготовляемый из навоза) завалили колодец глубиной 10—12 сажен и забаррикадировали все ворота и двери. Очистка колодца обошлась старшине не менее ста рублей. Все село одобрило наш поступок и ругало скрягу Зотова, который обидел призывников.

Когда, после инцидента со старшиной, мы обратились к старосте Лычеву Федору Васильевичу (моему однофамильцу и дальнему родственнику), то он поспешил дать нам полведра водки и 50 руб., чем откупился от неприятных последствий.

Наконец наступал день призыва, кончалась гулянка рекрутов. Телеги со всех сел и деревень волости тянулись в волостной центр, к призывному пункту. Призывники в большинстве ехали совершенно пьяные, горланили песни, подчас похабные, кое-где заливалась гармоника, и все это сопровождалось заунывным плачем покидаемых жен, матерей, детей, провожавших кормильца-отца.

Вокруг здания, где производился прием, собирались тысячи людей и сотни телег. Тут происходили жеребьевка и врачебный осмотр.

Старшина в суконной поддевке, с медалью на груди, выкликал с крыльца призывника, тот шел в ком-

нату, где тянул жребий: если жребий был маленький, то рекрут тут же подходил к врачам, и те его осматривали. Призывник, выходя на крыльцо, во всеуслышание объявлял об итогах жеребьевки, и, если он оказывался принятым в армию, среди родственников, ожидавших призывника, разыгрывались тяжелые, душевраздирающие сцены. Призывник садился в телегу вместе с родными и под их пронзительный плач и причитания уезжал домой.

После призыва рекрутов оставляли дома еще на 10—15 дней «погулять» и подготовиться к царской службе. Тут уж гуляли только новобранцы, и старшина со старостой вынуждены были опять угощать принятых на службу рекрутов, а последние, как будущие служаки, требовали себе водки и закусок в огромном количестве.

По прошествии двух недель рекрутов везли в губернский город к воинскому начальнику, где новобранцы получали назначение по роду службы: одни в пехоту, другие во флот и т. д. Родители призывника, идущего в пехоту, должны были снабдить сына двумя парами сапог и нижним бельем с таким расчетом, чтобы его хватило на первый год, а также должны были вручить молодому солдату изрядную сумму денег, чтобы сынок не ходил в отрепьях, в которые обыкновенно наряжали новобранцев в царской армии. Им, как правило, выдавалось старое, проношенное до дыр обмундирование, белье, рваные сапоги, требовавшие срочной починки. Новые белье, одежда и обувь выдавались только для парадов. А носить его солдат не имел права до тех пор, пока он, спустя два года, не получал второй комплект обмундирования. Так заботилась царская власть о «защитниках» престола и отечества.

Военная служба открыла новую страницу в моей жизни. Меня зачислили в Черноморский флот и отправили в Севастополь. Я стал матросом-новобранцем, существом, лишенным собственной воли и каких бы то ни было человеческих прав.

Матрос-новобранец в царском флоте, прежде чем попасть на корабль, должен был пройти четырехмесячную строевую учебу. Я и теперь, спустя тридцать с лишним лет, не могу вспомнить без возмущения эти четыре месяца. Жестокая строевая муштра чередовалась с тупой бессмысленной зубрежкой. Нас до изнеможения гоняли по двору, добиваясь автоматической точности поворота и маршировки, а после того, по нескольку часов подряд, до полного отупения, заставляли зубрить имена и титулы членов императорского дома и военных начальников. Особенно донимала «словесность». Все зависело от того, в каком настроении пребывал приставленный к нам «дядька», а его настроение, в свою очередь, регулировалось количеством водки, которую должны были подносить ему новобранцы. Полагалось на «словесность» не менее трех часов, но если «дядька» бывал не в духе, он затягивал ее до тех пор, пока не заваливался спать.

Матрос-новобранец все эти четыре месяца находился под бдительной опекой. В редкие дни ему удавалось вырваться из казармы в город, но и тогда он был обязан идти с провожатым — старшим матросом. Появление новобранца на улице одного, без провожатого, строго каралось. Смельчаков, рискнувших на это, задерживали на улице и заключали под арест. Узнать же новобранца было очень легко, так как у него отсутствовала ленточка на фуражке.

Старший матрос, сопровождавший новобранца, обя-

зан был за него отдавать честь всем встречным генералам и офицерам и тут же давать практические уроки этого «искусства» новобранцу. Но не только это лишало всякого удовольствия редкие прогулки, в которых новобранцы пытались найти отдых от удручающей обстановки казармы. Провожатые, считая новобранцев обязанными себе благодарностью за науку, приводили их обычно в кабаки и притоны, давая здесь практические уроки уже другого свойства.

Молодые, в большинстве своем деревенские, парни, незнакомые с отвратительным бытом «дна» капиталистического города, быстро разлагались под «просвещенным» руководством своего «дядьки». Да иначе и быть не могло — дисциплина обязывала безоговорочно подчиняться старшему, а тот не только требовал угощения, но заставлял пить и подражать ему во всем. Матрос не должен мыслить, он обязан безоговорочно, не рассуждая, выполнять приказания, — это являлось конечной целью «воспитания» новобранца. Этой цели была подчинена вся казарменная учеба, ей же верно служили и эти «прогулки», растлевавшие дух и тело молодых матросов.

После четырехмесячной учебы нас привели к присяге на верность «царю и отечеству», объявили нас матросами и распределили по кораблям. Я попал на учебный корабль «Березань» для изучения минного дела и очень быстро пришел к выводу, что мне повезло.

Чтобы подготовить нас к управлению сложными приборами, здесь преподавали технические дисциплины и такие науки, как физика, математика. Каждый, кто хотел учиться, имел полную возможность приобрести солидные познания. Многие матросы, и я в том числе, учли это и крепко взялись за учебу, стремясь

извлечь хоть какую-нибудь пользу из постылой царской службы.

Наступил 1903 год. Среди своих товарищей я скоро заметил несколько старых матросов, проявивших большой интерес к политическим вопросам. Я сблизился с ними. В этот год во флот проникли первые предвестники революционной грозы, надвигавшейся на царскую Россию, и в Черноморском флоте впервые начали зарождаться революционные организации. Известия о каждом политическом событии подхватывались нами с огромным интересом и горячо обсуждались. Это понятно — ведь среди нас было немало рабочих, или, как тогда их называли, мастеровых.

Мое первое знакомство с товарищами, приобщившимися к политической деятельности, произошло несколько своеобразно. В Севастополе я случайно встретился с земляком-самарцем Степаном Бессалаевым. Это был старый матрос, слывший среди товарищей большим умницей. Его популярности способствовало также и то, что он был непьющий, а это было сравнительно редким явлением среди матросов. Бессалаев часто посещал собрания, по его словам, сектантов-штундистов.

Мы очень быстро сблизились с ним (он потом говорил, что сразу увидел во мне нужного человека) и стали вести длинные беседы. Вначале темой бесед были религиозные вопросы. Бессалаев доказывал мне, что кресты и иконы — это нелепый предрассудок, вещи, лишённые всякого смысла, и что поклонение им только отнимает время у человека, которое он может использовать более полезно. Я очень горячо реагировал на его слова, спорил, силился опровергнуть его суждения, словом, отстаивал со всем пылом

свои религиозные убеждения. Но незаметно для самого себя я начинал сдавать свои позиции, доводы его казались мне все более убедительными, и после нескольких бесед с ним мой нателный крестик вместе с иконой Николая-чудотворца полетели в мусорный ящик.

Мне пришлось тут разыграть небольшую комедию со своей женой (она тоже жила в Севастополе). В одно из моих посещений, вскоре после расправы с богами, она заметила отсутствие креста у меня на шее и пристала с расспросами: куда девался крест, как да что... Я не хотел ее расстраивать и, насколько мог естественнее, ответил: шнурок, видать, оборвался, обронил где-то крестик. Жена успокоилась и купила мне новый крестик. Через неделю она заметила, что нового крестика тоже нет, задумалась... и больше никогда уже не заводила разговоров на эту тему.

Бессалаев, убедившись, что я расстался навсегда с религиозными атрибутами, пригласил меня на собрание штундистов. Такое неожиданное предложение сначала озадачило меня, а потом даже рассердило. Я выразил ему свое удивление и довольно резко заявил, что покончил с православием вовсе не для того, чтобы переменить его на сектантство. Я обрушил на Бессалаева его же доводы против предрассудков и заявил, что собираюсь, по его совету, заниматься более полезными делами.

Бессалаев, к большому моему удивлению, все же настойчиво продолжал уговаривать меня «прогуляться» к штундистам. По его словам, мне было бы полезно побывать там хотя бы для того, чтобы познакомиться с народом, с его стремлениями, надеждами, а также и с тем, в чем он находит утешение в своих горестях. Говорил он горячо, убедительно и под конец вполне

резонно заявил, что меня это посещение ни к чему не обязывает, а обогатить мой жизненный опыт оно может. Словом, мы отправились с ним в Татарскую слободку, где в домике одного рабочего происходили эти собрания.

Там мы застали довольно много народа, главным образом, рабочих и матросов. Бессалаев отрекомендовал им меня своим человеком, и собрание, прерванное нашим приходом, пошло своим чередом.

Сначала я никак не мог сообразить, что тут происходит. Пение псалмов и религиозные речи переплетались с жаркими политическими спорами... Но мое недоумение скоро рассеялось, и я понял, что нахожусь на политическом собрании, а все остальное служит ширмой.

Позднее я узнал, что подобные собрания для политических бесед собирались и под видом именин, пиршеств с выпивкой, пением и плясками. Этого требовала конспирация: полиция и охранка зорко следили за всякого рода сборищами, и поэтому приходилось всячески изворачиваться, чтобы усыпить их подозрительность.

Но нам недолго удалось собираться на этой «штундистской» квартире. Охранка, разузнав, что с 1903 года в Черноморском флоте появилась довольно крепкая организация РСДРП, с каждым днем усиливала слежку. Конечно наши собрания не могли остаться незамеченными, и как-то раз, в самый разгар «моления», в квартиру ворвалась полиция. Мы были осторожны, и потому во-время заметили ее приближение: споры мгновенно замерли, городских встретили звуки сектантского гимна.

Полиция так и не догадалась, что она имела дело с революционным собранием, организованным ненавист-

ной ей РСДРП. Арестован был только хозяин квартиры «за устройство штундистских собраний без разрешения на то полиции», а нас просто разогнали.

Вскоре слежка развернулась во-всю и сделала вообще невозможными всякие собрания на квартирах, а между тем кружковая работа в Севастополе охватила уже значительные массы матросов и рабочих. Стали собираться во всякого рода укромных местах: в Ушаковой балке, за Малаховым курганом, на братском кладбище. Дело было зимой, и, казалось бы, это должно было мешать нам, но сходки становились все чаще и многочисленнее. На них собирались и матросы и рабочие; с каждым днем рушилась стена, которой самодержавие пыталось отгородить флот от всяких внешних влияний.

К весне 1904 года эти собрания стали уже обычным явлением. Носили они характер бесед на злободневные политические темы. К нам приходило немало и интеллигентов, но начало пропагандистской работе во флоте положили все же социал-демократы — рабочие, попавшие во флот матросами.

Тогда я слабо разбирался в различиях между большевиками, меньшевиками и эсерами, и теоретические споры часто не вызывали у меня, да и у многих моих товарищей, особого интереса. Это объяснялось нашей слабой общей подготовленностью. Но даже тогда можно было уже заметить, что меньше всего сочувствия к себе вызывали эсеры и наибольшей популярностью у матросов пользовались большевики. Всех нас, революционно-настроенных матросов, объединял тогда общий лозунг «Долой самодержавие!»

Собрания не являлись единственной формой революционной пропаганды, — огромную роль играла не-

легальная литература, имевшая большое распространение среди матросов. Это были газеты и листовки, получавшиеся из-за границы, и, начиная с 1904 года, часто появлявшиеся листовки «Крымского союза РСДРП». В частности, по кораблю «Березань» связь с берегом и доставка нелегальной литературы лежали на мне.

Это было довольно сложное и опасное дело. Матросу, схваченному с нелегальной литературой, безусловно грозила тюрьма, а то и каторга. Командование чрезвычайно подозрительно относилось к матросам. Массовые обыски вошли в быт и никого даже не удивляли: всякий матрос, возвращавшийся на корабль с берега, обязательно обыскивался дежурными боцманами или кондукторами, ретиво выполнявшими эту обязанность под зорким наблюдением вахтенного офицера. Кроме того, на кораблях достаточно часто практиковались повальные обыски всей команды: рылись в сундучках, шкафах и везде, где только могла быть спрятана нелегальная литература.

Приходилось хитрить и проявлять всяческую изобретательность. Я доставлял литературу на корабль систематически, счастливо избегая провала. С портовыми рабочими я имел крепкую связь, и от них, а также от двух студентов-пропагандистов, аккуратно получал литературу. Чаще всего эти студенты социал-демократы — Роза Цанк и «Сереза» (подлинной фамилии его я так и не могу вспомнить) — доставляли новинки нелегальной литературы на квартиру одного моего товарища, а дочь его передавала их мне. Нелегальные газеты и листовки, печатавшиеся на папиросной бумаге, было не особенно трудно проносить на корабль. Тоненькая пачка туго сложенных газет и листовок легко умещалась на дне кулька с сахаром,

а боцманы, производившие обыск, обычно ни о чем не догадывались. Значительно труднее было пронести брошюры.

Чаще всего я применял такой трюк: садясь в шлюпку, я устраивался на носу или на корме. При посадке в шлюпку не обыскивали, и поэтому пронести можно было что угодно, но довольно сложной задачей являлось подсунуть пачку литературы под сиденье незаметно для сидящих в шлюпке. Вот здесь уж приходилось проявлять способности доморощенного фокусника. На борт я поднимался налегке. Шлюпку со спрятанной в ней литературой привязывали к стреле¹. Ночью, когда корабль погружался в сон, я под тем или иным предлогом забирался в шлюпку и извлекал литературу.

Однажды меня чуть было не провалила с листовками жена. Она ничего не знала о моей революционной работе, и я не хотел посвящать ее в эти вопросы, понимая, что из-за своей малограмотности и низкого тогда культурного уровня она не сможет понять меня и вряд ли сохранит должную конспирацию. Я понимал, что, сообщив ей, я рисковал не только собой, но и большим революционным делом. К тому же ее полная непричастность к революционной работе служила мне хорошей ширмой: ее хозяйева, у которых она служила кухаркой, ни в чем, понятно, ее не подозревали, и я мог, пользуясь этим, оставлять у нее литературу или встречаться с нужными мне людьми. Но, как оказалось, эти же простодушие и неведение жены меня едва не погубили.

Как-то летом 1904 года я условился с Розой Цанк,

¹ Стрела — деревянная балка у борта корабля, к которой прикрепляются шлюпки на стоянке.

что буду ожидать ее у жены на кухне. Не помню, что именно задержало меня, но Роза, явившись в назначенное время с литературой, не застала меня. Жена сообщила ей, что я еще не приходил, и та после некоторого раздумья решила оставить пачку листовок жене с просьбой передать мне, когда я явлюсь. Роза знала, что жена моя не в курсе моих дел, но иного выхода у нее не было, — ходить по улицам с пачкой прокламаций — дело совсем не безопасное, а сидеть на кухне чужой квартиры, рискуя вызвать вполне естественное любопытство хозяйки, было также бессмысленно. Она ничего не сказала жене о содержимом пачки, и та беспечно бросила ее на кровать.

Через некоторое время на кухню пришла хозяйка и сразу же почему-то заинтересовалась этой пачкой. Жена, ничего не подозревая, сообщила ей, что это посылка мужу. Хозяйка бесцеремонно развернула сверток, увидела листовки и, прочитав несколько строк, попросила жену дать ей одну листовку, чтобы она могла показать ее мужу. Жена охотно согласилась. Нетрудно представить себе удивление и испуг моей жены, когда хозяйка вернула ей листовку с советом предупредить меня, чтобы я бросил заниматься тем, за что меня «могут сгноить на каторге».

Легко понять, с какой тревогой жена рассказала мне все это, когда я вскоре пришел к ней. Что было делать? Признать, что пачка действительно предназначена для меня, — значило разоблачить себя, как поставщика прокламаций на корабль: ведь три непричастных к революционной работе человека уже знали бы об этом. Риск был слишком велик и очевиден. Вихрем пронеслись в моем мозгу все эти соображения... Как мог спокойнее, я заявил жене, что не имею

никакого представления о том, что это за листовки и кто их принес мне.

Жена обрадовалась и, как следовало ожидать, предложила мне немедленно уничтожить их. Я постарался проявить самое полное безразличие, и пачка была брошена в огонь. Жена тотчас же пошла к хозяевам и убедила их, что я абсолютно не причастен к этому делу, те тоже успокоились, а я хмуро поплелся на конспиративную квартиру за новой пачкой — корабль не должен был оставаться без листовок.

Этим же летом нащупали мы еще один путь для доставки нелегальной литературы на «Березань».

В пятнадцати-шестнадцати километрах от Севастополя, за Херсонесским маяком, расположена небольшая бухта Камышевая. Здесь проводились занятия по минному делу. На берегу бухты находились механические мастерские, где производились кузнечные, литейные и слесарные работы. «Березань» каждую субботу уходила в Севастополь, а в понедельник возвращалась в Камышевую бухту. На время ухода в мастерских оставляли караул из десяти-двенадцати матросов под начальством одного из учеников старшего класса.

Вот эти-то караулы наша социал-демократическая группа и решила использовать не только для индивидуальной обработки матросов, но и для снабжения корабля литературой. Мы старались, чтобы в караулах всегда были наши люди. Обычно не составляло особого труда уломать начальника караула, чтобы он разрешил мне или кому-либо другому из группы «сбегать» в Севастополь. Мы возвращались нагруженные литературой и легко проносили ее в понедельник на корабль.

Обысков здесь никаких не было: начальству конеч-

но и в голову не приходило, что в этом пустынном и удаленном от города месте, к тому же охраняемом, может скрываться «крамола». С берега мы часто доставляли на корабль инструменты и изделия мастерских, поэтому пронести литературу было совсем не трудно. Вот почему матросы «Березани» всегда читали свежую литературу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Революционные идеи проникали в матросские массы самыми разнообразными путями. Немалую роль, несомненно, сыграли революционные песни. Мне вспоминается один любопытный случай.

Вместе со мной на «Березани» служил молодой матрос Синельников — тихий, скромный, неуклюжий парень. Во флот пришел из какой-то глухой украинской деревеньки. По-русски он говорил и понимал очень плохо. Трудно давалась ему из-за этого флотская служба. Унтера и боцманы во-всю издевались над несчастным «хохлом».

Особенно туго приходилось Синельникову на «словесности». Всякий раз доводил он до белого каления унтера, яростно старавшегося вдолбить в его голову уставную «премудрость». Синельников никак не мог зазубрить даже царского титула и перевирал немилосердно. К тому же все, что он добросовестно повторял за учителем, из-за неистребимого украинского акцента очень смешно звучало, а подчас приобретало и совсем неожиданный смысл. Учитель бесновался, извергая фонтаны ругани в красное потное лицо Синельникова, и, с безнадежностью махнув рукой, оставлял его наконец в покое.

Зато не было певца лучше Синельникова. Пел он исключительно хорошо, голос у него был прекрасный, песен знал множество. На этой-то почве и произошло наше сближение — песня вывела Синельникова на революционную дорогу.

Я в те годы тоже очень любил пение и, принимая все меры предосторожности, старался обучать проверенных мною матросов революционным песням. Пели мы их конечно чуть ли не шопотом, предварительно убедившись, что вокруг нет чужих. Но Синельников как-то раз все же подслушал меня. «Варшавянка», которую я пел, ему, очевидно, понравилась; слов он не понял, но мелодию его музыкальный слух схватил цепко и верно.

В один прекрасный весенний вечер 1904 года Синельников стоял на часах.

Солнце только что зашло, и на бархатном южном небе загорелись первые звезды. И на корабле и на рейде царила глубокая тишина, лишь изредка слабый ветерок приносил с берега приглушенные звуки духового оркестра.

На палубе было пусто, и только вахтенный офицер изредка проходил мимо часового.

Красота вечера, очевидно, подействовала на Синельникова. Офицер, приближаясь к нему, внезапно вздрогнул и остановился... Синельников пел.

Глаза офицера сверкнули — петь на посту? Он решительно шагнул к часовому и замер еще раз, но только на мгновение, а затем яростно набросился на увлекшегося певца.

— Ты что поешь, мерзавец? — загремел офицерский бас. — Да знаешь ли ты, что я с тобой за это сделаю?!

Через несколько минут снятый с поста Синельников

с недоумевающим и испуганным видом стоял перед взбешенным офицером и тщетно силился понять, почему тот угрожает ему такими грозными карами. Он знал, что на посту петь нельзя, но не понимал, почему за такой, в сущности небольшой, проступок ему угрожают чуть ли не каторгой. Он не отдавал себе отчета, что именно вызвало такую ярость офицера.

Всполошилась вся кают-компания. Синельникову учинили допрос. Много нервов испортили себе господа офицеры, пока не убедились в том, что Синельников действительно не знает, какую песню он пел, и не понимает тех нескольких причудливо исковерканных им слов «Варшавянки», которые он покорно повторял следователю.

Тогда стали допытываться, кто научил Синельникова этой песне, но и здесь следователя ожидало горькое разочарование.

— На вулицы чув, ваше благородие, — с самым простодушным видом заявил Синельников на своем украинском языке.

— На какой улице, где, когда? — бесился офицер.

— Та не знаю, ваше благородие, не помню... как-то шел в городе и услышал...

— Да где же, где? На какой улице? Кто пел?

— Да, ей богу же, ваше благородие, не знаю. Я себе шел и вдруг услышал... — упорно твердил Синельников и «ел глазами» начальство.

Так ничего и не добился офицер-следователь, которому поручили дознание. Он очень основательно подозревал, что именно я научил Синельникова этой песне. На судне слежка была поставлена неплохо, и меня числили в разряде неблагонадежных. Но хитрый парень так наивно и преданно смотрел в злые

глаза офицера, так простодушно твердил свое «та ей-бо нэ памятую», что следовательно, в конце концов, обозвав его «круглым идиотом», прекратил свой допрос.

Синельников получил тридцать суток «под винтовку с полной выкладкой», по два часа в день, и, повернувшись по всем правилам, ушел ничего не понимая...

На другой день, в полдень, на самом солнцепеке, замерла неподвижная фигура Синельникова, в полной амунии, с винтовкой на плече. Он простоял, не шелохнувшись, два часа и, шатаясь от усталости, неверными шагами побрел в кубрик.

Не знаю, о чем думал Синельников в эти долгие часы, полные изнурительного физического напряжения, но, очевидно, его мучил неразрешимый вопрос: «за что?»

Спустя несколько дней я, улучив минуту, прошел мимо стоящего Синельникова и услышал его злой шопот:

— Это я за тебя стою. Скажи хоть, за что?

— Потом расскажу, — ответил я.

В тот же день Синельников привязался ко мне с неотступными вопросами: «Что же это за песня? Расскажи — ведь я из-за тебя страдаю».

Синельников явно мучился. Он смутно догадывался, что таких песен нельзя петь, но почему нельзя — он не знал. Он начинал понимать только то, что раз начальство за это наказывает, значит, это нечто такое, что направлено против начальства. Любить же начальство у Синельникова не было никаких оснований.

Я не хотел сразу объяснять Синельникову, в чем дело, поскольку недостаточно хорошо знал его. Но, учтя его стойкое поведение на допросе и вообще

присмотревшись к нему, я решил, что над ним можно поработать.

Синельников видно многое передумал за этот месяц, — он очень быстро понял все, что я ему рассказал, и, к моему большому удивлению, почти в один миг запомнил слова «Варшавянки». Его украинский акцент на сей раз ему не мешал. Синельников не только научился правильно произносить эти пламенные слова, — он понял их. Синельников впоследствии стал большевиком...

Революционное движение во флоте приобретало все больший размах. Уже не редкостью были очень многочисленные тайные собрания матросов и рабочих. На них не только обсуждались злободневные политические вопросы, — производился учет сил, намечались конкретные планы работы среди матросов отдельных кораблей.

Огромным революционизирующим фактором явилась русско-японская война. Среди матросов она была очень непопулярна и вызывала большое озлобление. Известие о позорном разгроме русской эскадры в Порт-Артуре, явившемся результатом исключительной небрежности и доходившей до идиотизма бездарности ее командования, вызвало взрыв негодования среди матросов. Наша социал-демократическая группа, в основном являвшаяся большевистской, использовала порт-артурские события для разоблачения всей гнилости русского самодержавия и для активизации революционных настроений в матросских массах.

С каждым месяцем связь между матросами и рабочими становилась все более тесной. Мне вспоминается одно особенно показательное в этом смысле собрание.

В летний день, в Ушаковой балке, на окраине Се-

вастополя собралось около шестисот человек матросов и рабочих. Митинг протекал очень активно — обсуждался вопрос о войне.

Звучали страстные речи. Матросы и рабочие, чередуясь, единодушно громили царское правительство, своей авантюристической политикой вовлекшее Россию в преступную войну. Ораторы разоблачали бессмысленность кровавой бойни, затеянной царизмом на Дальнем Востоке. Образно и ярко, на многочисленных фактах, они доказывали бездарность генералов, продажность интендантов, тупой идиотизм царедворцев. С горечью и гневом вспоминали матросы товарищей, чьи тела покоились на дне Японского моря.

Собрание раскалялось все больше, и призывы к восстанию грозными молниями рассекали гул голосов...

Внезапно на скалах, окружавших балку, замелькали фигуры полицейских. Их было очень много — и пеших и конных. Соппротивление не привело бы ни к чему, хотя часть матросов была вооружена. В случае схватки с полицейскими арест большого числа рабочих оказался бы неизбежным.

Все произошло очень быстро. Краткое замешательство в толпе матросов и рабочих, и минутное совещание социал-демократической группы, сбившейся в тесную кучку в центре... Затем быстрая перетасовка людей, в результате которой рабочие оказались в замкнутом кольце матросов. Еще минута — другая, — и все собравшиеся, построенные в колонну, двинулись навстречу подбегавшим полицейским.

— Стой, стой! — вопили, подбегая и потрясая револьверами, городовые.

— Опоздали, — спокойно заявил один из унтеров, — мы уже без вас справились. Сдапали голубчиков за милую душу — видите, ведем...

«Фараоны» растерялись... Бестолково засуетились вокруг вооруженных матросов, по всем правилам конвоировавших выстроенных в ряды «арестованных».

— Выходит, в самом деле, опоздали, — разочарованно пробурчал запыхавшийся пристав, неловко за- талкивая в кобуру револьвер.

— Да уж, как видите, — довольно неласково отозвался унтер.

— Давайте-ка, не задерживайте. Шагом марш! — скомандовал он, обернувшись к колонне, и, бесцеремонно оттолкнув полицейского, зашагал к узкому железнодорожному полотну.

К приставу подбежал юркий шпик и что-то зашептал на ухо. Тот встрепенулся и, махнув рукой полицейским, снова бросился наперерез колонне.

— Мы поведем, нам передайте, — срывающимся голосом завопил он, подбегая к «начальнику конвоя». — Ведь это не ваше дело арестованных водить. Здесь у нас есть чины политической охраны, и они должны с нашей помощью доставить арестованных куда следует.

Но унтер был немногословен. Грозным окриком он утихомирил начавших было волноваться матросов и спокойно заявил приставу:

— Мне приказано арестовать и привести в экипаж всех, кого я здесь обнаружил. Приказание я обязан выполнить, а если вы мне станете мешать, я приму должные меры. Ответственность будет лежать на вас за все, что может произойти. Шагом марш! — скомандовал он снова. — Не подпускать никого к арестованным! Что там за разговоры, — свирепо прикрикнул он как раз во-время, чтобы остановить матроса, норотившего опустить свой штык на голову слишком назойливого городского.

Колонна тронулась. Пристав беспомощно оглядывал толпу городских, растерянно сгрудившихся вокруг

него... Конные полицейские, которые не могли спуститься вниз по крутому склону, высились на скале нелепыми, карикатурными фигурами.

Колонна между тем вышла на узкое железнодорожное полотно. Слева высилась почти отвесная скала, справа — крутой обрыв. Пристав, очевидно, приняв какое-то решение, двинулся со своим пешим воинством вслед за колонной и взмахом руки приказал конным двигаться туда же по скале.

Догнав колонну, пристав попытался было забежать вперед, но мрачные матросы-конвоиры так энергично сжимали оружие, обрыв был так крут, перспектива скатиться вниз от толчка так мало улыбалась, что полицейские волей-неволей поплелись сзади.

А впереди, повидимому, что-то происходило. Колонна двигалась значительно медленнее и временами даже приостанавливалась. Пристав пытался, подпрыгивая время от времени, разглядеть, что именно происходит впереди, и все же ничего не мог увидеть. А между тем остановки колонны происходили как раз возле тех мест, где обрыв был менее крут и можно было спуститься вниз.

Наконец, впереди показался тоннель. Пристав облегченно вздохнул: близился конец этого унижительного для него шествия. За тоннелем дорога расширялась, и там он сможет, на всякий случай, оцепить эту подозрительную колонну. В темноте (полицейские приотстали от колонны: она, очевидно, двигалась здесь значительно быстрее, чем прежде. Но, выбравшись из тоннеля, полицейские увидели только матросов, быстро скрывавшихся в воротах казармы. Ни одного рабочего уже не оставалось среди них.

Одураченный пристав мог только в бессильной злобе метать промы и молнии.

Но не всегда так заканчивались наши встречи. Я помню другой случай.

Собрался как-то сравнительно небольшой митинг — человек 120, не больше. Налетела полиция, началась свалка. Дрались мы изо всех сил, но полицейских было значительно больше, и нам не удалось отстоять товарищей рабочих, — человек семь удалось полиции схватить. Мы же, матросы, сбившись в тесную группу, прорвали кольцо полицейских и стали отступать кгороду.

Возможно все же, что полицейским удалось бы арестовать многих из нас, но на улицах города наши силы возросли. Каждый из проходивших мимо матросов, видя нашу свалку с полицейскими, немедленно кидался в драку с криком «наших бьют». На помощь к нам матросы сбежались со всего города, толпа росла очень быстро, и полицейские, обильно угощаемые ударами, вынуждены были с позором отступить...

Лето между тем подходило к концу. Холоднее становились дни, но все жарче разгоралось пламя революционной работы в Черноморском флоте. Митинги, собрания и нелегальная литература делали свое дело; идеи РСДРП все глубже проникали в матросские массы. К осени уже на многих кораблях появились социал-демократические организации — инициативные группы, которые налаживали связь с рабочими на берегу и вели пропагандистскую работу.

Обстановка благоприятствовала росту влияния РСДРП. С Дальнего Востока приходили все более тревожные вести. Ползли зловещие слухи об отправке Черноморского флота в Тихий океан. Начальство нервничало и усиливало репрессии, стремясь укрепить дисциплину.

Матросские массы глухо волновались, мысль о вос-

станции проникла на многие корабли, и в матросских организациях РСДРП уже начинали обсуждать практические вопросы подготовки к нему. Матросы начинали сознавать, что они могут выступить активнейшими участниками революционного движения, мощной волной нараставшего по всей стране.

Осенью 1904 года я был официально принят в члены РСДРП и примкнул к большевикам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ноябре 1904 года я окончил Севастопольскую учебную команду минных машинистов и получил назначение в Кронштадт для продолжения обучения по той же специальности, но уже на звание унтер-офицера.

Готовясь к отъезду, я запасся явкой и немедленно по приезде в Петербург связался с Питерской организацией большевиков. Явку я получил к товарищу Н. Макарову, — он работал лекальщиком на заводе Лесснера. Через него же мне потом поручено было организовать снабжение матросов Балтийского флота нелегальной литературой.

Очень быстро я связался с целым рядом товарищей — кружковцев, работавших среди матросов. Особенно выделялся своей большой активностью Анфимов. Это был студент, изгнанный из университета за неблагонадежность и попавший по призыву в матросы.

Включившись в революционную работу, я быстро убедился, что здесь она была поставлена лучше, нежели у нас в Черноморском флоте. И литературы и пропагандистов здесь имелось значительно больше, но это и понятно — Кронштадт ведь находился рядом с боевым центром революционных сил — Петербургом.

Если в Севастополе нам приходилось довольствоваться только отдельными, проникавшими к нам све-

дениями, очень часто неполными и отрывочными, а иногда просто слухами, то здесь мы были хорошо информированы о всех политических событиях, происходивших в стране. Осведомлены мы были также о работе Зубатова и Гапона, пытавшихся ввести революционное движение пролетариата в русло верно-подданнического «полицейского социализма».

Матросы Балтийского флота еще сильнее, чем Черноморского, были озлоблены войной. Гибель всей Тихоокеанской эскадры вызвала огромное возмущение неслыханной бездарностью царских адмиралов. Ненависть к царизму и всему дворянству, являвшемуся опорой самодержавия, достигла апогея. Любой пропагандист мог спокойно и без всякого риска вести беседы на эти темы среди самых отсталых матросов, о предательстве не могло быть и речи.

Чрезвычайно велик был спрос и на нелегальную литературу, разъяснявшую причину позорного разгрома русской армии и флота на Дальнем Востоке. Ко мне очень часто подходили совершенно незнакомые матросы и без обиняков спрашивали: «А нет ли у вас, товарищ, чего-нибудь почитать о войне и наших дураках командирах?» Все это вселяло в нас огромную бодрость и уверенность в том, что можно работать без излишних предосторожностей, и мы приносили в экипаж всю нелегальную литературу, какую только можно было достать в Петербурге. Провалы в это время (я говорю о периоде до 9 января) были крайне редки.

В ноябре я получил очень интересное письмо от жены из Севастополя. Она писала мне, что в Севастополе взбунтовались матросы в экипажах, избили многих офицеров, ранили контр-адмирала Писаревского и разгромили офицерские квартиры. Попади это письмо кому-

либо из наших офицеров, не миновать бы мне тюрьмы. Жена, далекая от политики, не разбиравшаяся в том, что вокруг нее происходит, нарисовала в своем письме удивительно красочную картину матросского возмущения и проявившуюся во время него трусость офицеров.

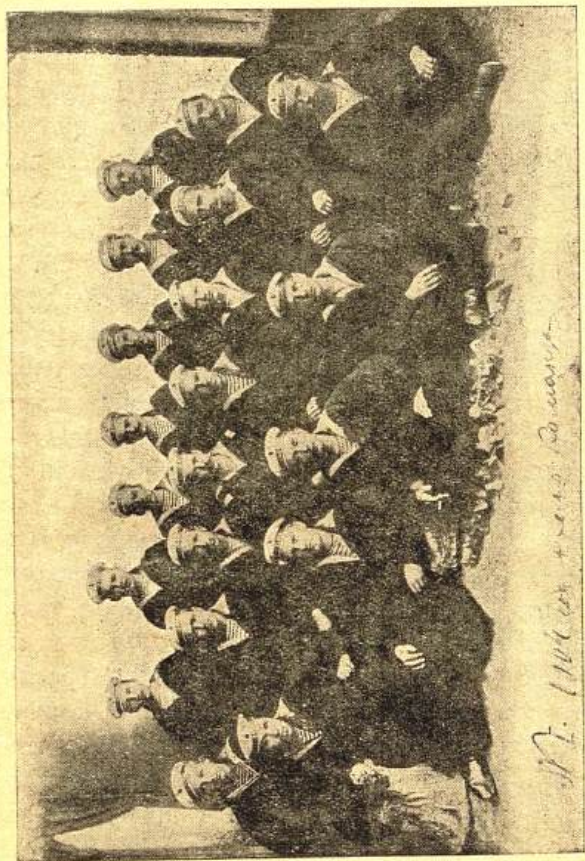
Жена сообщала о многих фактах, когда офицеры в панике прятались не только от выстрелов, но даже от стука камня, брошенного в окно. Посылая мне это письмо, жена конечно не думала ни о том, чем я рискую, являясь его адресатом, ни о том, что в сущности она снабдила нас отличным, доходчивым агитационным материалом,—мы использовали это письмо в нашей пропагандистской работе. Оно послужило прекрасным подспорьем для разоблачения одной из причин поражения нашего флота на войне.

Разве могут такие гнусные трусы, — говорили матросы, обсуждая это письмо, — вести армию и флот к победам?

Накануне 9 января 1905 года ко мне в Кронштадт приехал товарищ Макаров. Он сообщил, что в Петербурге готовится выступление рабочих под руководством Гапона, и приглашал в Питер нас, большевиков-матросов, всех, кто только может явиться в столицу.

— Партией, — говорил он, — поставлена задача развернуть работу по разоблачению Гапона и, в случае необходимости, взять руководство движением в свои руки.

Я тотчас же оловестил товарищей, и вечером 8 января мы получили отпуска, чтобы утром отправиться большой группой в Питер. Но выехать нам не удалось. Утром всех нас при выходе задержали, отобрали отпускные удостоверения и заперли на замок в экипаже. В этот день в Петербург не пустили из Кронштадта ни одного человека.

Учебная команда минных машинистов. Севастополь, 1904 г.

Было совершенно ясно, что в Питере происходят чрезвычайно важные события. Везде у нас были расставлены усиленные караулы, начальство проявляло особую нервность и суетливо к чему-то готовилось.

Что творится в Петербурге, не знал никто, и мы могли только строить различные предположения. И все же мы не теряли даром времени — по всем казармам нами был пущен слух, что сегодня в Петербурге рабочие выступили с протестом против войны и с требованием повышения заработной платы. Матросы волновались, резко возрос интерес к политическим вопросам, и мы немало поработали в эти два дня (нас не выпускали никуда не только 9, но и 10 января).

Вечером 9 января наша группа провела специальное совещание о том, как бы разузнать, что происходит в Петербурге. Обсудили немало проектов, как выбраться хотя бы за ограду экипажа, но все они оказались явно несбыточными. Нас стерегли слишком бдительно. Только на следующий день вечером мы узнали о новом кровавом преступлении царизма.

Рабочий класс 9 января 1905 года «...получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»¹, писал Ленин. Треск залпов у Зимнего дворца, расстрел безоружных рабочих вызвал грозное эхо по всей стране. Петербург ответил баррикадами. Василеостровские рабочие захватили типографию и напечатали воззвание с призывом захватить оружие. 10 января началась всеобщая стачка в Москве. 11 января она охватила Ярославль, Ковно, Вильно. 12 января всеобщая стачка вспыхнула в Риге, Реве-

¹ Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 79.

ле, Саратове, Киеве, Минске, Могилеве. 13 января начались стачки в Витебске, Минске, Либаве, Тифлисе, 14 января огромные стачки охватили Варшаву, Лодзь, Белосток, Полоцк, Двинск, Митаву. В Варшаве в этот же день произошли первые столкновения рабочих с войсками, а на следующий день на улицах Варшавы появились баррикады. 15, 16 и 17 января начались забастовки в Брянске, Батуме, Екатеринославе, Харькове, Иваново-Вознесенске и ряде городов Северо-западного края. Правительство вынуждено было закрыть высшие учебные заведения сначала в Петербурге, а потом и в Киеве, Варшаве, Харькове и Казани.

«Поворотный пункт в истории России наступил»¹, писал Ленин. Началась революция 1905 года...

Матросы Балтийского флота с огромной настойчивостью искали за всеми политическими событиями. Скованные свирепой дисциплиной, запуганные ею, они жадно прислушивались ко всему, что рассказывали им наши пропагандисты. Если до сих пор главной темой бесед являлась война, то теперь сам царь, расстреляв 9 января последнюю веру в себя, вооружил нас мощным средством для пропаганды даже среди самых отсталых матросов.

9 января с его гнуснейшим предательством и звериной жестокостью, проявленной царизмом к безоружным рабочим, шедшим к «царю-батюшке» за «милостыями», помогло нам выкорчевать в сознании матросов царского флота последние корни наивной патриархальной веры в царя.

В первых числах апреля срок моего учения закончился, и меня отправили снова в Севастополь. Я получил назначение на броненосец «Князь Потемкин-Таврический» в качестве минно-машинного унтер-офицера.

¹ Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 82.

«Князь Потемкин-Таврический» являлся тогда одним из самых новых и мощных судов Черноморского флота. Матросов на «Потемкине» было около 800 человек. Прибыв на корабль, я нашел там группу социал-демократов, среди которых особенно выделялись товарищи Белоусов (машинист), Кулик, Осадчий, Шевченко, Самойленко и Спинов. Здесь я говорю лишь о той группе, членом которой я сам состоял. Позднее я выяснил, что кроме этой нашей группы на «Потемкине» существовало еще несколько, о которых я в первое время и не подозревал. К нашей группе примыкали и эсеры Макаров, Скребнев, Шестидесятный и Матюшенко. Правда, Матюшенко считал себя социал-демократом и часто даже называл себя «сознательным социал-демократом», но стойких социал-демократических убеждений у него никогда не было, и позднее, в Швейцарии, он окончательно примкнул к эсерам.

Революционная атмосфера среди матросов накалялась, подогреваемая революционным движением во всей стране и неимоверно тяжелым режимом, царившим во флоте. И без того жестокая, нелепая в своей бессмысленности дисциплина превращалась в сплошное издевательство над человеком. Еще перед моим отъездом в Кронштадт особым приказом командир флота адмирал Чухнин воспретил матросам появление на главных улицах Севастополя. Согласно тому же приказу у входа на Приморский бульвар появилась немногословная, но весьма красноречивая табличка:

«Собак не вводить, нижним чинам вход воспрещается».

Можно ли еще больше унижить человеческое достоинство?

Приведу еще один пример измывательства над нами.

Однажды адмирал Чухнин специальным приказом запретил матросам ездить по городу на извозчиках. Приказ этот был вызван тем, что как-то Чухнин, проезжая по городу, встретился с двумя матросами, ехавшими на извозчике. Матросы, как полагается, вытянулись во фронт на пролетке, а так как булыжная мостовая в Севастополе изобиловала рытвинами, то матросов кидало в пролетке из стороны в сторону, как пьяных. Чухнин остановил матросов, подозвал к своей пролетке, обнюхал и посадил их на 30 дней строгого ареста. Вслед за тем мудрый начальник запретил матросам пользоваться извозчиками. Наши флотские экипажи были далеко расположены от города и ходить постоянно пешком нам не улыбалось. И вот мы решили высмеять Чухнина с тем, чтобы он сам отменил свой вздорный приказ.

Однажды мы наняли турка — разносчика хлеба, (в Севастополе в старое время хлеб разносили турки, греки, персы и др. в больших корзинах на спине: корзина прикреплялась за плечами ремнями или веревками крест-на-крест через грудь, и в такой корзине умещалось по два пуда хлеба), чтобы он в своей корзине доставил матроса из города в экипаж, иначе говоря, пронес его через весь город. Мы подобрали здорового турка, уплатили ему два рубля и посадили в корзину матроса, объяснив ему, как держаться при встрече с офицерами. Сами же мы пошли по тротуару, чтобы наблюдать, как будут реагировать офицеры на нашу затею. Не прошло и пяти минут, как турок встретился с офицером, матрос приподнялся в корзине и сделал под козырек, т. е. отдал честь офицеру. Офицер рассмеялся, но, остановив турка, задал матросу вопрос: «Зачем ты залез в корзину?» Матрос вытянулся и гаркнул во все горло: «Ваше благородие, со-

вчерашнего дня матросам запрещено ездить на извозчике, и мы теперь будем ездить на банабаках».

Офицер, скривившись и ничего не сказав, пошел прочь.

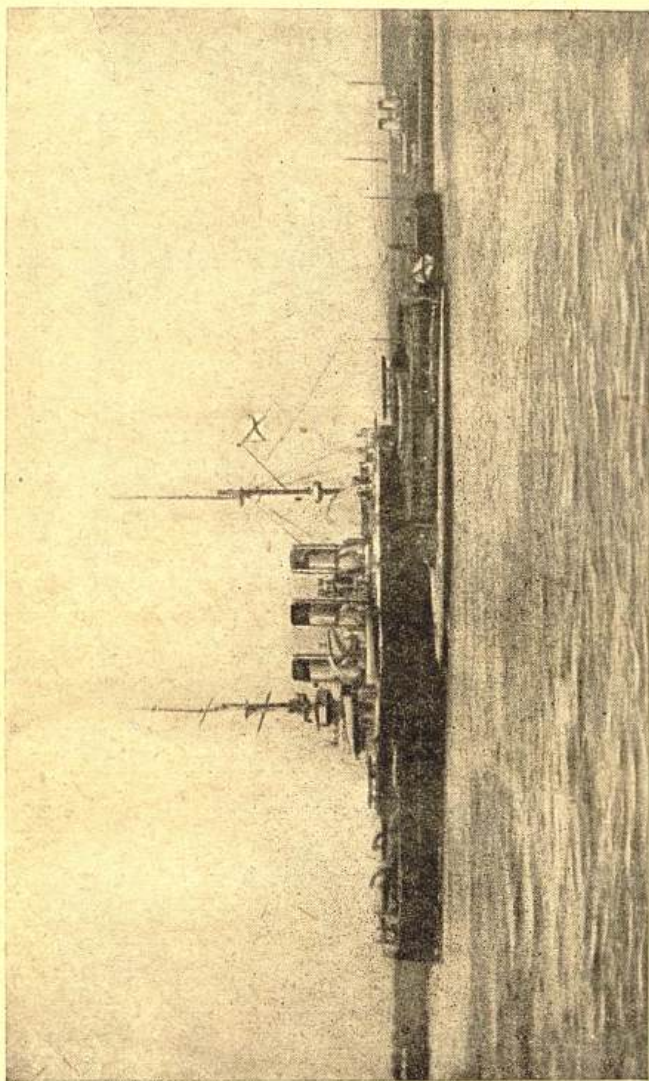
Все же наша проделка привела к тому, что Чухнин на завтра же отменил свой приказ о запрете матросам ездить на извозчиках...

Чтобы «уберечь матросов от крамолы», приспешники Чухнина создали для матросов в казармах подлинно тюремный режим. Не лучше жилось матросам и на кораблях. Зуботычины, кары и взыскания сыпались, как из рога изобилия, придирались к малейшему пустяку, лишь бы в наказание запретить матросу отпуск на берег.

Все эти притеснения с каждым днем усиливались, делая и без того тяжелую жизнь матросов буквально невыносимой. Злоба и недовольство среди матросов быстро росли, и поэтому достаточно было самого незначительного повода, чтобы произошел взрыв.

И действительно, причиной ноябрьского возмущения, о котором в свое время писала мне жена, явилось, в сущности говоря, малозначительное обстоятельство.

Обычно отпускные записки в город были белого цвета, но Чухнину почему-то захотелось заменить их красными. Проведена эта реформа была настолько внезапно, что даже канцелярия экипажа продолжала выдавать матросам прежние белые билеты. Но при выходе из экипажа матросов с этими билетами задерживали и не выпускали в город. Вспыхнула перебранка с дежурными, вмешались проходившие мимо офицеры, попытавшиеся грубыми окриками усмирить матросов, и этого оказалось достаточным, чтобы сначала из окна казармы, а затем и офицерских квартир полетели камни. Из казарм выбежали толпы матросов, офицеры трус-

Броненосец «Потемкин» выходит с Севастопольского рейда в учебное плавание к острову Тендр 25(12) июня 1905 г.

ливо попрятались по углам,—матросы оказались хозяевами положения. Но не надолго. Руководителей у матросов не было, и это двухдневное возмущение (3 и 4 ноября 1904 г.) привело только к разгрому офицерских квартир.

Подросли «верные части» Брестского полка и будущие унтера с крейсера «Память Меркурия», загремели залпы, и матросы в панике разбежались по казармам. За свое выступление матросы расплатились недешево: кроме убитых и раненых, около 100 человек «зачинщиков» были арестованы и после суда очутились в пловучих тюрьмах, а кое-кто и в Сибири. Экипажи перестроили, дисциплина стала еще более жестокой и еще более издевательской: офицеры мстили за свои разгромленные квартиры.

И все же даже это неудавшееся выступление сыграло свою положительную революционную роль. Оно убедило даже самых отсталых матросов в необходимости организации и сплочения перед лицом общего врага. Оно показало также, что только серьезное, организованное по тщательно продуманному плану восстание может обеспечить победу в борьбе с самодержавием, все еще располагавшим грозными силами.

К моменту моего прибытия на «Потемкин» вопрос о восстании уже настолько назрел, что даже состоялось собрание социал-демократических групп кораблей, на котором было решено, что «Потемкин» должен начать восстание Черноморского флота. Наша группа решительно отстаивала право «Потемкина» на эту честь, ссылаясь на то, что «Потемкин» является наиболее мощным из всех судов флота и, в случае необходимости, он будет держать под угрозой целую эскадру, а это несомненно поможет вовлечь в восстание и остальные корабли.

Кроме того, на «Потемкине» была наиболее сильная революционная организация.

План восстания был, однако, разработан только в самых общих чертах. Согласно этому плану предполагалось, что «Потемкин» подаст сигнал к восстанию, когда будет подготовлено большинство кораблей, когда на каждом из них уже будут сколочены группы товарищей, способных принять на себя командование кораблями после расправы с офицерами. Намечалось, что восставшая Черноморская эскадра захватит главные пункты черноморского побережья — Севастополь, Одессу, Батум, Николаев, Новороссийск — и превратит их в опорные пункты революции. А затем будет налажена связь с рабочими, и их мощная поддержка обеспечит победоносное распространение революции по всей огромной территории России. Такой приблизительно намечался план, но преждевременное выступление «Потемкина» нарушило все эти наметки.

Ознакомившись с положением, я включился в общую работу группы и, связавшись с берегом, восстановил свои прежние связи. Обстановка очень благоприятствовала революционной работе. «Потемкин», заканчивая свое вооружение, стоял в доке до начала июня, а это обуславливало тесную и непрерывную связь с рабочими портовых мастерских.

На корабле кипела лихорадочная работа: «Потемкин» готовился к пробному плаванью. Грузилось продовольствие, боевое снаряжение и все необходимое для похода. Наша группа, готовясь к восстанию, развернула большую работу.

Шли непрерывные переговоры с остающимися кораблями, договаривались с их социал-демократическими группами о совместных действиях, устанавливали свои, только нам известные сигналы. Срок вос-

стания не был установлен, но сотни людей, спаянных единым революционным стремлением, готовили этот грозный удар самодержавию.

12 июня 1905 года наш стальной гигант в полной боевой готовности гордо вышел в открытое море.

Огромный «Потемкин» имел глубокую осадку и не мог подходить близко к берегу. Поэтому его сопровождал для обслуживания миноносец 267.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отправляясь в плавание, мы не собирались, как я уже говорил, начинать восстание изолированно от других кораблей. По плану предполагалось начать восстание лишь в тот момент, когда большинство кораблей успеет к нему подготовиться. Но на деле вышло иначе. Когда накапливается много горючих веществ, взрыв происходит от первой же искры. Поводом к восстанию на «Потемкине» послужило червивое мясо.

13 июня на корабль, находившийся у острова Тендр, поздно вечером привезли мясо для матросского камбуза. Мясо подвесили к балке под капитанским мостиком, а рано утром один из матросов, проходя мимо него, почувствовал сильное зловоние. Подойдя ближе, он увидел, что все мясо кишит червями, подозвал кое-кого из товарищей, и через несколько минут по всему кораблю разнесся слух об очередном издевательстве над матросами.

К мясу сбежалась толпа матросов. Поднялся возмущенный шум, раздалась ругань, причем особенно озлобленно ругали начальника снабжения лейтенанта Макарова. На шум прибежал вахтенный офицер, попытался было разогнать матросов, но, убедившись, что это нелегкая задача, помчался к командиру. Через не-

которое время появился командир в сопровождении судового врача Смирнова.

Матросы примолкли и нетерпеливо ждали, что скажет врач. Тот понюхал мясо, взглянул на него сквозь пенсне и, бросив косой взгляд на командира, небрежно прокрипел:

— Ничего особенного! Червячки появились потому, что ведь лето — жарко. Смыть горячей водой, и мясо годно в пищу.

Такое заявление врача вызвало новый взрыв негодования. Поднялся ропот, раздались крики:

— Вы нас за людей не признаете!

— Это мясо и собаки есть не будут, а вы нас заставляете.

— Сами ешьте червей, а мы не будем!

— За борт эту гадость!

Голиков, выждав некоторое время, свирепо рявкнул:

— Разойтись!

И матросы, понутив головы, медленно стали расходиться по своим местам.

Наш нелегальный корабельный комитет решил не обострять конфликт, поскольку это могло помешать планомерной подготовке к восстанию всего флота. Но все же нельзя было не реагировать на очередное издевательство, и поэтому решили призвать матросов к пассивному сопротивлению — отказаться есть борщ, сваренный из негодного мяса. Это уж само по себе являлось серьезным нарушением дисциплины, и таким образом возмутительное поведение командира получало должный отпор. Лозунг «Не есть борща, пусть командир с врачом его едят!» был быстро распространен нашей группой по всему кораблю. Все матросы охотно подхватили наше предложение и с нетерпением

ожидали обеда. Возмущение не улеглось, но для него была найдена организованная форма. Матросы горячо обсуждали утреннее событие, ругали командира, а больше всего врача, проявившего крайнюю степень подлости, подхалимства перед начальством и пренебрежения к матросам. Но, как нам казалось, опасность неорганизованного выступления, очень реальная утром, была устранена.

Наконец настало время обеда. Ни один матрос не прикоснулся к борщу. В полном молчании все мы стали пить чай с хлебом...

Явился вахтенный офицер, а вслед за ним старший офицер Гиляровский. Они попытались было заставить нас есть борщ, но, ничего не добившись, отправились к командиру.

Через несколько минут на юте¹ появился командир Голиков. Свирепо осмотревшись, он хриплым от бешенства голосом скомандовал:

— По вахтам! Становись на борт!

Затрещал барабан, раздался топот сотен ног, и через минуту команда неподвижно замерла по бортам, офицеры выстроились у кормового знамени.

Мы ждали, что будет. Командир приказал принести борщ и велел старшему врачу Смирнову отведать его. Принесли пробную чашку предварительно процеженного борща. Смирнов попробовал.

— Чудесный борщ, никаких червей в нем нет.

В мертвой тишине прозвучала короткая речь Голикова:

— Так вы недовольны борщом? Вы кричите, что плохое мясо, хотя доктор признал его годным! Вы не хотите его есть? Хорошо, я прикажу запечатать бак с

¹ Ют — часть верхней палубы на корме корабля.

борщом и отправлю его в Севастополь к военному прокурору. Но знаете ли вы, чем это пахнет для вас? Я предупреждаю — ничего хорошего не выйдет из этого...

Он дернул себя за воротник и прокричал:

— Я не раз уже говорил вам, что делают с вашим братом за неповиновение. Повторять не буду. Я с вами расправляюсь! Я вам напомним, что матросов, забывших дисциплину, вешают на ноках! ¹

Слабый ропот прокатился по рядам и стих.

Голиков выждал с минуту, очевидно, чтобы уловить, какое впечатление произвела его речь, и командовал:

— Кто хочет повиноваться, выходи из рядов к двенадцатидюймовой башне!

Снова ропот пронесся по рядам, но, кроме нескольких кондукторов и унтеров, никто из матросов не двинулся с места...

— Ах, так,— закричал окончательно взбесившийся командир, — ладно, я же вам покажу! Вызвать караул!

Шеренга матросов с заряженными винтовками застыла перед рядами...

Матросы зашевелились, зашептались и сначала поодиночке, а затем целыми группами стали перебегать направо, к башне. Среди перебегавших были и комитетчики, желавшие своим примером показать матросам необходимость избежать обострения конфликта. Через минуту у борта осталась только небольшая группа, человек тридцать, еще не успевшая перебежать к башне и торопившаяся сейчас это сделать.

Но командование корабля, очевидно, не намерева-

¹ Но к — в данном случае мачтовый но́к — одна из поперечных подвижных балок на мачте.

лось закончить конфликт мирным путем. Ему нужны были жертвы. Палачи жаждали крови...

Совершенно неожиданно старший офицер Гиляровский преградил путь перебежавшим матросам.

— Хватит, оставайтесь здесь! — крикнул он. — Принести брезент! — приказал он кондукторам.

Кучка матросов метнулась к командирскому люку, но здесь стоял Голиков.

— Куда, этот ход не для вас! — презрительно и зло крикнул он.

Появился брезент: его, задыхаясь от служебного рвения, приволокли кондуктора и офицеры.

— Закройте их! — приказал Гиляровский.

Брезент взметнулся в воздух и отделил от толпы матросов у башни обреченную кучку.

Наступила жуткая тишина...

Вихрем неслись мысли: брезент — ведь это саван!.. Неужели их собираются расстреливать?.. Что делать? Как предотвратить это гнусное преступление?!

Прошла томительная минута, толпа у башни казалась парализованной...

— Стрелять! — прохрипел Гиляровский.

Но караул, охваченный, как и мы, ужасом, не шевельнулся.

И в этот миг раздался голос матроса Вакулинчука.

— Братья, не стреляйте! Почему вы нас покинули?!

Этот отчаянный вопль точно ножом ударил в сердце. Из нашей толпы загремели крики:

— Не стреляйте!

— Пли! — еще раз скомандовал Гиляровский.

Но и на этот раз караул отказался выполнить команду, а через мгновение все изменилось...

Почти одновременно прозвучали голоса Матюшенко и Вакулинчука:

— К оружию, братья! Довольно быть рабами!

Тогда Гиляровский, выхватив револьвер, выстрелил один за другим два раза и убил Вакулинчука наповал.

Эти выстрелы и смерть товарища послужили сигналом к восстанию. Гнев и возмущение вытеснили из нашей памяти все предварительные планы и намерения. Кроме того стало ясно, что если мы не будем защищаться, офицеры перестреляют нас по одиночке.

Раздался призыв Матюшенко:

— К оружию, братья! Довольно быть рабами!

Палуба застонала от топота. Мы бросились за Матюшенко в центральную батарею и через несколько секунд с винтовками появились на палубе. Затрещали выстрелы... несколько минут яростной схватки, шум и крики погони... Гиляровского застрелил Матюшенко...

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический» оказался во власти восставших матросов.

Офицеры защищались слабо. Большинство искало спасения в бегстве и бросалось за борт, чтобы избежать матросского гнева. Вслед за ними бросились в море некоторые кондуктора и матросы. Мы перенесли огонь за борт и начали обстрел беглецов. Матросы завопили:

— Товарищи, не стреляйте в нас, мы с вами!

Мы прекратили стрельбу, чтобы дать возможность матросам вернуться на судно.

Офицеры продолжали плыть к берегу. Мы обстреливали их до тех пор, пока они все не скрылись под водой.

На глазах у нас происходила стремительная перемена.

Мы привыкли видеть офицеров иными. Надменные и бесчеловечно жестокие к нам, матросам, они стара-

Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».
Картина художника Н. И. Шестопалова

лись держаться на корабле как существа высшего порядка. Малейшее нарушение дисциплины, ничтожнейший проступок матроса вызывал целые потоки обиднейшей грубой брани, кары и взыскания. Часто казалось, что именно в издевательстве над беспомощной и покорной матросской массой офицеры черпали си-

лу, позволявшую им держаться этакими «героями», не знающими страха и сомнений.

Но рабы разбили цепи, рабы подняли головы, и от «героев» не осталось и следа.

Командир миноносца 267, услышав стрельбу на броненосце, понял, что у нас неблагополучно и приказал сняться с якоря. Матюшенко сразу заметил это и отправил туда нескольких потемкинцев.

Взойдя на миноносец, они арестовали командира, механиков и еще одного офицера и перевезли их на «Потемкин».

Бой на «Потемкине» тем временем продолжался еще около часа, так как часть офицеров все же пыталась защищаться. Покончив с ними, мы бросились искать спрятавшихся офицеров. Охваченные паникой, они, как крысы, забились в темные углы.

Ворвавшись в роскошную командирскую каюту, матросы нашли блистательного Голикова в шутовском виде: совершенно голый, с подвязанным спасательным поясом, он метался по каюте, пытаясь найти способ выбраться за борт.

Голиков, этот безгранично жестокий старик, лишь несколько минут тому назад державшийся как всемогущий «бог и царь», повелевавший жизнью и смертью сотен матросов, сразу преобразился в немощного старца. Он ползал на коленях перед Матюшенко, умоляя его о пощаде. В предсмертном ужасе он клялся, что никогда больше не посмеет обидеть ни одного матроса. Этот жалкий, подлый трус, только что собиравшийся зверски убить тридцать матросов за отказ есть гнилое мясо, теперь просил их даровать ему жизнь...

Голикова, после краткого суда, расстреляли. Тело Голикова полетело в море под дружный крик сотен голосов:

— Долой тиранов!..

Еще более отвратительным трусом показал себя старший врач Смирнов. Подхалим в обращении с командиром, готовый совершить любую подлость в угоду ему, он не считал матросов людьми. Понимая, что ему, как одному из главных виновников кровавой драмы, не сдобровать, он скрылся при первых же признаках восстания. Этот гнусный человечешко знал, что матросы великодушны, и стремился только к тому, чтобы о нем вспомнили как можно позже. Он рассчитывал, что после первого взрыва возмущения матросы «отойдут» и простят старые обиды. И о нем первое время забыли.

Уже после того, как «Потемкин» снялся с якоря, направляясь к Одессе, Смирнова разыскали товарищи Макаров и Стриж. Они нашли его в лазарете почему-то всего измазанного кровью. Оказалось, что Смирнов пытался симулировать раненого, надеясь этим разжалобить матросов. Он осторожно подрезал себе кожу и размазал кровь по всему телу. Но Смирнов ошибся в своих расчетах: матросы, пощадившие перед этим несколько офицеров, к нему оказались безжалостными. Суд был краток и единодушен:

— За борт подлеца! — и Смирнов полетел в море, а чтобы ему не пришлось долго плавать, один из матросов пустил ему вслед пулю с напуганным:

— Ты нас заставлял есть червей — теперь сам по корми рыб!

Смирнов был последней жертвой. Матросы проявили свойственное им великодушие, хотя это и оказалось крупнейшей нашей ошибкой. Пощадили многих офицеров, пощадили кондукторов, среди которых было много отъявленнейших врагов революции. Эта ошибка впоследствии определила неудачный исход восстания.

Такова, в самых общих чертах, картина первого этапа восстания на «Потемкине». Я не считаю необходимым в этой книге подробно воспроизводить все обстоятельства нашей жизни и борьбы в те незабываемые дни,—это уже сделано достаточно правдиво и исчерпывающе в ряде книг и в частности в великолепном фильме «Броненосец Потемкин». Поэтому и при последующем изложении событий на «Потемкине» я буду краток, но постараюсь подробнее рассказать о наших мытарствах за границей—периоде, слабо освещенном в литературе.

Как только мы оказались — значительно раньше, нежели мы предполагали — полными хозяевами мощного боевого корабля, сразу со всей остротой возник вопрос, кто же станет командовать броненосцем.

После непродолжительного совещания было решено назначить командиром прапорщика Алексеева. Одним из мотивов его назначения служило то, что он не являлся кадровым офицером. Попад по призыву во флот, он выдержал экзамен на морского прапорщика. Мы надеялись тогда, что этот человек, на собственной шкуре испытавший «прелести» матросской службы, сможет стать хорошим революционным командиром. Но и в этом случае, как оказалось впоследствии, мы ошиблись. Алексеев проявил себя полным ничтожеством, безвольным трусом, трепетавшим за свою судьбу, неспособным ни к какому решительному действию.

Для руководства всеми операциями «Потемкина» был избран революционный комитет из тридцати человек. Помню многих из них: Матюшенко, Кулик, Шестидесятный, Родин, Никишкин, Резниченко, Сапрыкин, Бредихин, Демченко, Денисенко, Скребнев, Циркунов, Костренко, Савченко, Заволошин, Алексеев и др. Пред-

седателем комитета был избран Афанасий Матюшенко, любимец команды.

Минно-машинный унтер-офицер Афанасий Матюшенко, из крестьян — такова официальная характеристика этого незаурядного человека. Будучи яркой и богато одаренной личностью, Матюшенко со страстью отдавался революционной борьбе. Человек огромной физической силы, беспредельно отважный и чрезвычайно подвижный, он всегда рвался на самую опасную работу. Я уже говорил, что он сам причислял себя к социал-демократам, но фактически он всегда был ближе к эсерам и позже, в Швейцарии, окончательно примкнул к ним.

В силу этой своей политической незрелости Матюшенко при всех своих личных качествах не мог стать подлинным вождем. Матюшенко ясно не представлял себе боевого пути, по которому следовало вести революционный корабль. Вот почему Матюшенко в те дни, вместо того, чтобы решительно возглавить матросскую массу, часто терялся и шел за ней вслепую, без плана.

Мы, матросы-большевики, также не могли похвалиться достаточной политической подготовкой, чтобы всегда и везде вести за собой восставших.

Матюшенко терял присутствие духа, как только среди матросов замечался спад революционных настроений. А ведь именно в эти моменты особенно необходим умелый организатор, непреклонный вождь, способный поднять настроение и увлечь других за собой.

Огромной популярностью среди матросов «Потемкина» пользовался второй член комитета — Степан Денисенко, взятый во флот из рабочих, он служил машинистом броненосца.

Это был человек стальной, непреклонной воли. При

распределении обязанностей в комитете его назначили главным механиком (главным инженером), и, надо сказать, он прекрасно справлялся с этой очень сложной работой. Денисенко сочетал знание дела с большими организационными способностями. Далеко нелегкой задачей было заставить людей работать после восстания, когда некоторые отсталые матросы были твердо убеждены, что, освободившись от тирании офицерства, они тем самым освободились и от всякой тяжелой работы. Денисенко выполнял свои обязанности блестяще. Машины «Потемкина» во все одиннадцать дней нашего самостоятельного плавания находились всегда в исправности и работали безукоризненно.

Правда, Денисенко располагал двумя такими ценными помощниками, как Кулик и Резниченко. Эти младшие машинные унтер-офицеры, не покладая рук, самоотверженно работали и в машинном отделении корабля и в революционном комитете в качестве его членов.

Большую роль в дни восстания сыграл еще один член комитета — строевой унтер-офицер Демченко, бесспорно также незаурядный человек. Его очень любили матросы. Хороший организатор и удивительно чуткий товарищ, Демченко располагал к себе с первого взгляда. Он был полон веры в людей и с оптимизмом относился к революционной работе. Его отличала ярко выраженная тяга к знанию, к политической учебе и самоотверженная преданность общему делу. Можно было не сомневаться, что Демченко готов в любую минуту отдать жизнь за товарищей по партии. Я как сейчас вижу Демченко, вижу его полные дружеской ласки глаза...

В дни восстания, особенно в минуты сомнений и разочарований, Демченко был незаменим. Он успокаивал

вал матросов, умело улаживая спорные вопросы и разногласия. Демченко не был восторженной, но неспособной к решительным действиям личностью, каких немало встречалось в те времена. В ответственные минуты он проявлял и решительность и твердую волю. Лучшей характеристикой Демченко служат слова многих матросов, заявлявших в тяжелые минуты: «Демченко с нами — значит, не пропадем».

Лично мне, как члену комитета, было поручено управление всеми минными аппаратами и динамомашинами «Потемкина». Я понимал всю огромную ответственность, возложенную на меня ревкомом. Все боевое оборудование броненосца приводилось в движение электрической энергией, и я старался работать как только мог лучше.

Остальные члены комитета не имели специальных обязанностей.

Организовав управление кораблем, мы решили отплыть в Одессу, где в это время, как мы знали, разгоралась борьба забастовавших рабочих с войсками. Кроме того, мы рассчитывали, что в Одессе будет удобнее, чем где бы то ни было, спропагандировать эскадру, которая несомненно будет выслана для усмирения «Потемкина», присоединиться к нам.

В ночь с 14 на 15 июня «Потемкин» в сопровождении миноносца 267 появился перед Одессой и бросил якорь у входа в бухту. Для связи с Одесским комитетом РСДРП и рабочими Одессы мы отправили на берег нескольких товарищей, поручив им просить комитет прислать на «Потемкин» хороших агитаторов и организаторов.

Приведу воспоминания матроса потемкинца П. В. Алексева, который в числе других был послан на берег:

«Мне и двум товарищам поручили немедленно по-

ехать на берег с тремя важными поручениями: первое — установить связь с революционными организациями, второе — закупить провизию и третье — распространить прокламации. Рано утром на паровом катере мы отплыли в сопровождении тов. Матюшенко и нескольких других вооруженных матросов к берегу.

— Кто плывет?—окликнул нас часовой с берега.

— Шлюпка с броненосца «Потемкина»,—ответили мы.

— Как же вы так едете? — спросил портовой матрос,—военное судно, перед приходом, должно оповестить телеграммой командира порта, а вы этого не сделали. Кто вас знает, кто вы такие. Может быть вы убили своих офицеров. Где ваши офицеры? Нет, мы вас не пустим.

Нас всех это взорвало, больше всех возмутился Матюшенко.

— Убирайся отсюда, продажная царская шкура,—крикнул он. — Ты еще смеешь спрашивать, кто мы такие. Я сейчас покажу тебе, кто мы.

Он быстро вскинул ружье и стал прицеливаться.

Портовой матрос удра.

Мы остановили товарища Матюшенко, напомнив ему, что стрелять сейчас не время. Можно наделать много шума. Он согласился с нами, пожелал нам удачи и вместе с остальными вернулся на катер. Мы втроем пошли в город.

Едва мы прошли несколько кварталов, мои спутники стали уговаривать меня:

— Ничего, Алексеев, у нас не получится. Время раннее. Да и Матюшенко наделал шуму с этим портовым матросом. Тот, вероятно, уже успел донести полиции, и нас станут преследовать. Надо оставить это дело.

Я ответил, что никакого отступления быть не мо-

жет. Раз революционный комитет дал нам поручение, мы должны выполнить наш революционный долг, чего бы это нам ни стоило. На базаре мы купили мясо, уплатили за него, поручили доставку мясникам и отправились дальше. Мои спутники стали просить меня:

— У нас в городе родные, два года не видались, отпусти нас, Алексеев, побывать у них. Хочется пови-
даться.

Я решил, что они плохие помощники и отпустил их, взяв на себя выполнение остальных двух заданий.

С большим трудом я отыскал товарищей, с которыми нужно было установить связь, рассказал им о нашем восстании и попросил сообщить об этом местной социал-демократической организации.

После этого я начал распространять прокламации. Но тут мне не повезло. Меня выследили и стали преследовать. С трудом я пробрался к старому товарищу, революционно настроенному матросу, с которым я вместе работал на пароходе Русского пароходного общества. Я рассказал ему в чем дело, попросил купить мне кочегарский костюм и, переодетый, выбрался на берег.

У места стоянки «Потемкина» на берегу толпились тысячи людей. Броненосец был окружен сотнями шлюпок, нагруженных людьми и всевозможной провизией, даже водкой. Провизия передавалась на броненосец. Пропускали на борт только представителей революционных организаций. С палубы неслись звуки «Марсельезы» и крики «ура».

Казалось, нет никакой возможности пробраться на броненосец, но мой шлюпочник крикнул:

— Товарищи, пропустите. Это едет товарищ, делегированный на берег.

Тут как раз и Матюшенко увидел меня и крикнул:
— Дайте ему дорогу. Это наш едет.

Товарищи встретили меня очень радостно, засыпали вопросами: что слышно в городе, где я пропадал? Все решили, что я погиб, так как я обещал вернуться к девяти часам утра, а теперь уже было 2 часа дня. Я рассказал им все, что знал о положении в городе, и о моих приключениях.

О том, как представители Одесского комитета РСДРП установили связь с потемкинцами, подробно рассказывается в корреспонденции из Одессы, напечатанной в большевистской газете «Пролетарий». (в № 14 от 16/29 августа 1905 г.). Приведу ее в отрывках.

«Одесса. (Из письма товарища, бывшего на «Потемкине» представителем от Одесского комитета.)

Известие о восстании на «Потемкине» пришло в то время, когда вся Одесса была страшно возбуждена, когда движение пролетариата поднялось на небывалую прежде ступень и принимало все более и более грозные формы. Пересыпь вся стояла. Рабочие тысячами рвались в бой. В городе забастовка разрасталась с каждым часом. Забастовщики уже были на улицах, они были уже демонстрантами... были баррикады, были кровавые стычки с полицией и войсками.

«Потемкин» подошел к Одессе в среду утром,—эта весть молнией облетела город, и рабочие толпами ринулись в порт.

В такой важный боевой момент необходимо было действовать как можно быстрее. Необходимо было координировать действия всех организаций для совместного выступления в деле руководства событиями. Тут было уже не до соблюдения формы, товарищей всех невозможно было разыскать, о собрании нашего

комитета¹ нечего было и думать, поэтому я и товарищ М. без санкции комитета взяли на себя в общем совещании трех организаций (комитета, группы меньшинства и Бунда) представительство нашего комитета и высказывались по тому или другому вопросу от имени организации. Иначе было нельзя.

Во время совещания нас известили, что матросы просят прислать к ним представителей социал-демократии для выработки плана действий.

Собрание трех организаций хотело предложить матросам такой план действия: броненосец высаживает на берег значительный десант — сотни три вооруженных матросов. Во главе многотысячной толпы пролетариев с трупом товарища² матросы идут в город к главной площади... При первом же столкновении лицом к лицу с войсками матросы призывают солдат к братанью, к переходу на сторону народа, о том же говорят и наши агитаторы. Члены всех наших организаций должны быть более или менее сконцентрированы и находиться как впереди, так и позади толпы, чтобы возможно полнее руководить народным движением.

Одной из самых важных задач была, кроме привлечения войск на свою сторону, дезорганизация всех средств связи правительства: порча телефона, разрушение железнодорожного пути (для того, чтобы отрезать город и препятствовать подвозу войск), освобождение арестованных из тюрем, затем арест всех властей имущих (градоначальника, командующего войсками и пр.).

Броненосец все это время угрожает городу, делает

¹ То есть большевистского.

² Матроса Вакулинчука, убитого старшим офицером Гиляровским в момент восстания на «Потемкине».

предупредительные тревожные выстрелы. При малейшей нашей неудаче он начинает бомбардировку.

Организации выбрали четырех товарищей, и им поручено было пробраться на броненосец и сообщить матросам этот план. Но, ввиду того, что события могут ежеминутно меняться, товарищам даны были полномочия при изменившихся условиях изменить и план действий.

Я с тремя товарищами (один бундовец и два меньшевика) отправились в порт. Это было в первом часу... Недалеко от порта стоял величественный и стройный «Потемкин». Был солнечный день. На море тихо. Около броненосца шныряет ряд лодочников.

Мы подъезжаем к пароходу. На палубе повсюду ходят и стоят матросы. На посту, на большой площадке, скучилось очень много матросов и, видим, слушают что-то. Уже слышен голос оратора. Вдруг он кончил и все слушатели дружно и громко закричали «Да здравствует свобода!». Мы причалили к борту, сказали пароль «Да здравствует свобода», и нас пропустили.

Встретили нас 2—3 матроса, очевидно, главари — лица умные и сильные — и привели в адмиральскую. В ней после низвержения «драконов», — так называют матросы начальство, — происходили заседания комиссии матросов, человек 20—30, которой вся команда вручила власть на судне. В эту комиссию вошли наиболее сознательные элементы.

Когда собралась комиссия, мы прямо приступили к делу: заявили, кто мы такие, с какими целями приехали и затем попросили рассказать, как все произошло, почему они приехали именно в Одессу, какие у них планы и пр. Начался рассказ. Насколько можно было выяснить, вполне определенного плана у матро-

сов не было. В Одессу приехали потому, что Одесса — крупный порт, тут многочисленный пролетариат, на поддержку и сочувствие которого они надеялись. Кроме того, Одесса выбрана была еще и потому, что она сравнительно недалеко от Севастополя. Все мысли матросов были направлены на то, что теперь делается в Севастополе, каково настроение остальной эскадры. Еще до нашего приезда на броненосец они просили одного из наших товарищей социал-демократов непременно снестись с Севастопольским комитетом, изложить ему положение дела и настаивать на необходимости немедленной поддержки. На эту поддержку они крепко надеялись и в ней не сомневались.

Затем говорил представитель с.-д. («большевик»). Он охарактеризовал современный исторический момент, нарисовал в общих чертах картину рабочего движения в Одессе, волнения крестьян в уезде, состояние и настроение войск и указал, какое в связи с этим громадное значение имеет восстание на броненосце. Он говорил о том, что единственный верный путь обеспечить успех дела — это не отступать, не идти назад, а слить свое дело с делом русского пролетариата и крестьянства.

Что касается намеченного плана, то нецелесообразность его выяснилась для нас почти тотчас по прибытии на броненосец. Против вооруженного десанта матросы говорили вот что: самое первое и главное — они никак не могут разбивать команду судна, так как тогда судно не будет в боевой готовности, нехватит прислуги, и, во-вторых, они сильны только тем, что вместе. Если их разъединить, да притом таким образом, что на берег придется высадить наиболее смелых и надежных, то оставшиеся на корабле не смогут

действовать решительно и в критическую минуту могут пасть духом.

Ни на каком определенном плане на первом заседании комиссии мы не остановились.

Решено было созвать всех матросов и познакомить с положением дела. Мы же должны были тогда объяснить, кто мы такие, зачем мы здесь и пр. Кроме того, на нашей обязанности было поднять дух команды, подбодрить ее, вдохнуть уверенность в успех дела.

Собрались матросы. Выходит один наиболее популярный из матросов и говорит о том, что на пароходе мало порядка, что не назначены караулы и пр. Что все это нужно сделать сейчас же, нужно назначить все те же службы и работы, что и раньше. Все молчаливо согласились. Назначили караулы, определили, кому идти на вахту.

Потом стали говорить мы. Матросов было очень много. Они стояли тесно друг подле друга. В центре каюты был очищен небольшой круг. Там стояли нас двое, затем один матрос, который немного говорил, и командир. Сначала говорил я. Так как масса была недовольна присутствием на судне «чужаков», то мне пришлось сначала объяснить, кто мы, зачем приехали и пр. После меня говорил Костя...¹

...Было жарко, душно. Матросы напряженно слушали горячую, часто трудно понятную для массы речь, лица у них были возбужденные, потные. У некоторых на глазах были слезы. Когда товарищ кончил и произнес: «Да здравствует свобода!», все присутствующие поддержали этот возглас, и он долго оглашал собой все судно. Когда по окончании наших речей

¹ Повидимому, Константин Фельдман, присланный Одесским комитетом на броненосец, меньшевик.

матрос соц.-дем. спросил остальных: «Так как же, братцы, оставим мы наших товарищей?», все закричали: «Оставайтесь! Оставайтесь! Будьте с нами! Вместе будем!»

Через несколько времени все мы вышли на палубу. Пожар в порту, который мы заметили еще раньше, наваял на всех в первую минуту какое-то жуткое чувство... На палубе стали продолжать общую беседу. Мы советовали, да к тому же пришла комиссия, чтобы самостоятельно определить все работы, как раньше, выбрать офицеров, начальников частей. Внутри судна должна быть хорошая дисциплина, только основанная не на страхе, а на доверии к избранным офицерам. Только таким образом мы можем быть всегда в боевой готовности. Вот на эту тему стали говорить как матросы-руководители, так и наш брат. Команда сочувственно внимала. Тогда выбрали еще недостающие власти, подчеркнули их «выборность» и, значит, необходимость доверия к ним и подчинения. Команда была уже утомлена, да и комиссии надо было собраться и обсудить кое-какие дела. Стали расходиться, кто спать, кто на дежурство. А пожар все усиливался и усиливался. Уже весь порт был объят пламенем, город весь в дыму, доносились какие-то звуки, треск, крики».

Далее письмо обрывается.

Редакция «Пролетарий» сопровождала эту корреспонденцию следующим примечанием:

«Это письмо было послано с «оказией» месяц назад, но только теперь попало к нам, как и ряд других писем из Одессы. Товарищ, бывший представителем комитета на броненосце, съехал на берег по делам судна и после не мог уже попасть на него...»

Таким образом, единственный большевик из всех представителей Юдесского комитета не остался на борту восставшего броненосца. Оба оставшихся — Кирилл (А. Березовский) и К. Фельдман — были меньшевиками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прибыв на борт «Потемкина», Кирилл (А. Березовский) рассказал, что на улицах Одессы и в порту накануне нашего прибытия (13 июня) разыгралась кровавая схватка рабочих с казаками, а сегодня ожидалась всеобщая забастовка. Настроение у рабочих масс боевое, сообщил он, и поэтому есть все основания полагать, что забастовка выльется в открытое восстание.

Мы очень обрадовались, узнав, что прибыли так своевременно. Легко представить себе ликование рабочих Одессы, когда они увидели на рейде величавый и грозный силуэт мятежного гиганта. Опромяные скопища людей толпились на набережной и, разгоняемые полицией и войсками, собирались снова.

Рабочие ждали от революционного «Потемкина» мощной поддержки в их борьбе с самодержавием. Их ожидания и надежды были вполне естественны, мы сами стремились оказать им эту помощь, но события сложились иначе.

Прибыв в Одессу, мы заняли выжидательную позицию. Мы исходили из совершенно неправильной установки, что будто бы нельзя приступить к захвату Одессы и других опорных пунктов Черного моря до присоединения к нам всей Черноморской эскадры. Мы

ждали ее прихода в Одессу в твердой уверенности, что все корабли примкнут к нам, как только матросы увидят революционный «Потемкин».

Нашу уверенность подкрепило присоединение к нам дозорного судна «Веха», прибывшего в Одессу 15 июня. Ничего не подозревая, «Веха» попросила у нас, как полагалось, разрешения встать в бухте на якорь. Только на «Потемкине», явившись по нашему вызову, капитан «Вехи» понял, что он попал на восставший броненосец. Матросы «Вехи» немедленно и охотно присоединились к нам, арестовав с нашей помощью своих офицеров.

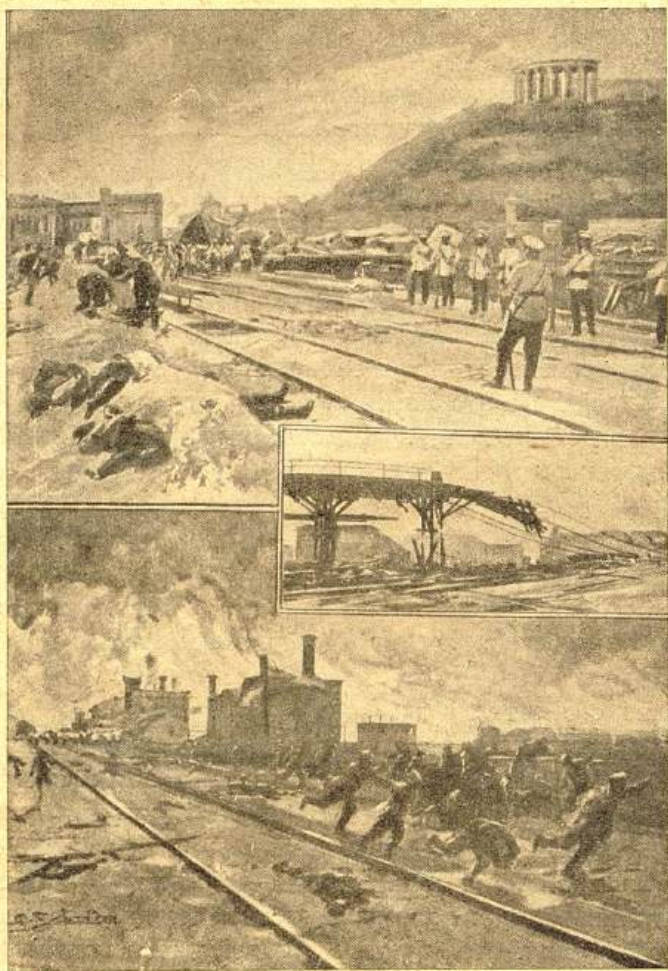
Уже поздно вечером 15 июня мы решили послать городским властям ультиматум. Мы требовали: предоставить нам возможность беспрепятственно закупать все необходимое для броненосца, полной неприкосновенности наших матросов на берегу, прекращения зверской расправы с рабочими и жителями города и вывода войск из Одессы с передачей арсенала рабочим.

Однако командующий войсками генерал Протопопов не принял нашу делегацию, а велел передать, что он не желает разговаривать с бунтовщиками и предлагает нам сдаться. Наглое поведение царского генерала привело нас в негодование. Мы решили, что утром пушки «Потемкина» дадут ему революционный ответ...

К войскам Одессы мы обратились с воззванием о присоединении к восстанию. Вот текст этого воззвания:

«ОТ КОМАНДЫ БРОНЕНОСЦА «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ».

Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на

Потемкинские дни в Одессе. Расправа царских войск с рабочими. 1905 г.

борьбу за свободу, пришел последний час нашего страдания, долой самодержавие! У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. По сопротивлению город будет разрушен»¹.

На рассвете шестнадцатого июня мы получили известие, что приближается эскадра в составе трех броненосцев: «Георгий Победоносец», «12 апостолов» и «Три святителя» под командой контр-адмирала Вишневецкого. Корабль мгновенно ожил. Начались приготовления к встрече. Развели пары, приготовились к бою. «Веху» превратили в госпитальное судно.

Большинство команды попрежнему твердо верило, что эскадра по нас стрелять не будет:

— Там свои братья. Матросы откажутся стрелять,— говорили почти все.

Было решено не открывать огня первыми. Теперь мне ясно, что и это решение, явившееся следствием нашей общей неправильной тактики, было глубоко ошибочно. Несомненно, открой огонь «Потемкин», команда высланных против нас судов, видя нашу решимость, также восстала бы и примкнула бы к нам. Но мы не стреляли...

Нам подали сигнал прислать делегацию для переговоров. Мы быстро выделили делегацию в составе: Фельдмана, Матюшенко, Алексеева, Кирилла, Кулика и Резниченко. Они отправились на миноносце 267, а «Потемкин» навел дула орудий на эскадру, чтобы в случае необходимости защитить делегацию от опасностей. Увидя это, эскадра, не дождавшись миноносца, повернула обратно.

¹ Напечатано в типографии Одесской группы РСДРП 28/15 июня 1905 г.

16 июня мы хоронили нашего товарища Вакулинчука, убитого в момент восстания офицером Гиляровским.

Тело товарища Вакулинчука было перевезено с броненосца на набережную Одессы. На грудь убитого мы положили листовку от матросов следующего содержания:

«Господа одесситы! Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» за то, что Вакулинчук заявил, что «борщ не годится». Осеним себя красным знаменем и скажем: мир праху его! Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!

Один за всех, все за одного!

*Команда эскадренного броненосца
«Князь Потемкин-Таврический».*

Около трупа установили несколько трибун. Одна из трибун украшена черною лентою с надписью: «Слава павшим товарищам!» Вокруг многотысячная толпа, слушающая революционные речи ораторов. Толпа приветствует ораторов революционными возгласами. Настроение небывалое.

Похороны Вакулинчука превратились в грандиозную революционную демонстрацию. Многотысячная процессия рабочих и трудящихся Одессы, несмотря на угрозу расстрела со стороны царских войск и полиции, торжественно хоронила борца за свободу. Царские сатрапы не выдержали и, после того как могила была засыпана, вдогонку уходившим с кладбища затрещали залпы. Но в этот момент загремели пушки «Потемкина»,— в первый и последний раз за все вре-

мя восстания. Солдаты и полиция разбегались в панике...

Мы сделали только три боевых выстрела из шестидюймового орудия по домам командующего войсками, градоначальника и городскому театру, чтобы прекратить гнусный расстрел безоружных рабочих.

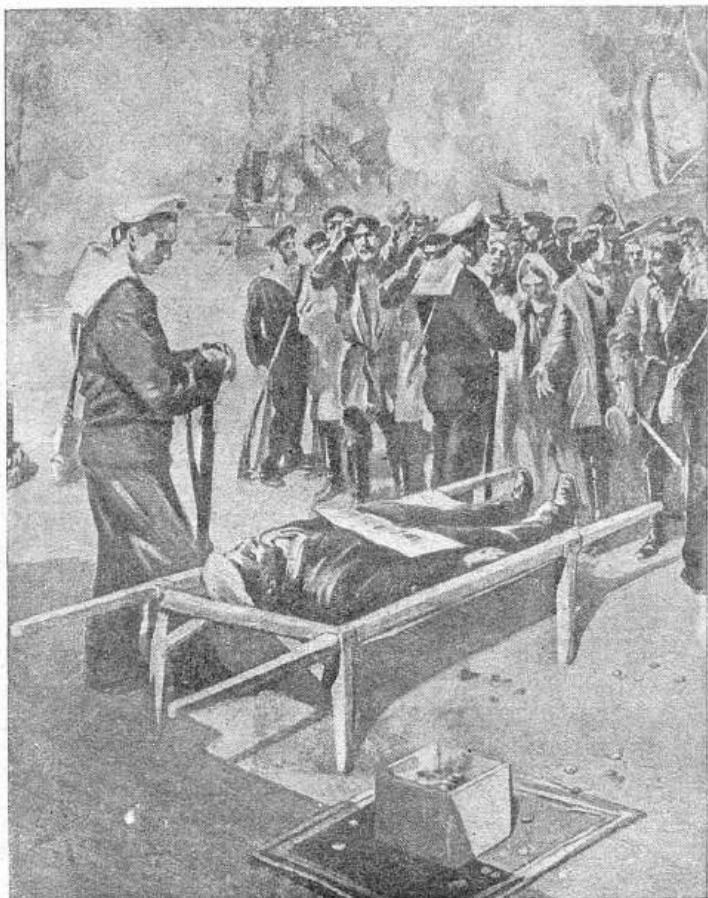
Но ни один из выпущенных нами снарядов не попал в цель: причиной этого, как выяснилось позднее, явилось предательство старшего сигнальщика Ведермейера,—он сознательно сообщил неверные прицельные установки.

И вот, выпустив три боевых снаряда, пушки «Потемкина» замолкли: часть команды запротестовала против дальнейшего обстрела, заявляя, что снаряды могут разгромить рабочие кварталы.

Огромная мощь артиллерии «Потемкина» так и осталась неиспользованной.

Мы допустили еще одну ошибку, мы вновь проявили нерешительность. Причина была все та же: на «Потемкине» было немало отважных людей, но не было подлинного вождя. К моменту восстания отсутствовал четкий, продуманный до конца план борьбы, и на корабле не оказалось никого, кто бы мог быстро такой план разработать. К тому же восстание вспыхнуло ранее намеченного срока, и тем самым был сведен на-нет даже тот весьма приблизительный план восстания всего Черноморского флота, который был в общих чертах выработан еще весной.

В комитете у нас не оказалось никого, кто бы смог организовать и сплотить всю команду в крепкую революционную силу. А между тем, у нас на судне имелось немало отсталых матросов, лишь стихийно примкнувших к восстанию и готовых впасть в уныние при первой же неудаче. Основное их ядро составляли

Одесса. Рабочие у труп Вакулинчука.

молодые деревенские парни, только первый год служившие во флоте.

В наших рядах притаились предатели, по преимуществу унтер-офицеры, которых мы пощадили, вняв их униженным мольбам в момент захвата броне-

носца. Сейчас, когда мы пришли в Одессу, они развили на корабле лихорадочную подрывную работу. Особенно постарались кондукторы. Они сеяли неверие в успех восстания, распускали всякие панические слухи и слухи, порочили членов комитета. Они доказывали колеблющимся, что надо воздерживаться от всяких решительных действий, что только таким путем матросы смогут смягчить предстоящую суровую кару, которая ожидает их, когда мятеж будет подавлен, а то, что он будет подавлен,—по утверждению гнусных предателей,—не внушало ни малейшего сомнения.

Главные свои усилия предатели направили, разумеется, на разложение наиболее отсталой части команды, о которой я говорил.

Ленин учил: «Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно, переходить в *наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания»¹. Но этого мудрого ленинского указания мы не осуществили и не понимали в те исторические дни...

На рассвете на горизонте снова показалась эскадра, на этот раз в большем составе и в боевом порядке. Эскадра приближалась тихим ходом.

Контр-адмирал Вишневецкий попытался «подавить» восстание по беспроволочному телеграфу. Мы получили от него депешу:

«Черноморцы, мы удручены вашим поступком. Безумцы, чего вы хотите? Контр-адмирал Вишневецкий».

Ему ответили для первого раза вежливо:

«Просим пожаловать адмирала к нам. Гарантируем безопасность».

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXI стр. 320.

ТЕЛЕГРАММА

/тифрованная/

на Имя Его Императорскаго Величества

отъ Вице-Адмирала Ч у х н и н а, отправленная изъ
Севастополя 24-го Іюня 1905 г. въ 10 час. 35 м. пополн.

Доному ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ въ короткомъ из-
ложеніи телеграммы объяснить положеніе дѣла нельзя.
Надобно возстановить совершенно уничтоженный авторитетъ власти,
офицеры всѣ совершенно обезличены, думаю, что удалось нѣсколь-
ко упрочить положеніе и не опасаясь измѣны, на судахъ гдѣ
былъ бунтъ, зачинщики выданы, гдѣ изнато неповиновенія не
было, неблагонадежные арестованы, духъ командъ освобожденныхъ
отъ нихъ совершенно замѣнился и они дали клятву не от-
ступать отъ употребленія оружія. Думаю теперь осмѣлю исполнить
свой долгъ, положеніе было очень опасно, всѣ опасались
общаго бунта. Подробности донесеніемъ. № 162.

Подписала: „Вице-Адмиралъ Ч у х н и н а“.

Телеграмма вице-адмирала Чухнина Николаю II о событіяхъ
въ Черноморскомъ флотѣ.

Храбрый контр-адмирал скрылся за горизонтом.

Около двенадцати часов дня, когда мы обедали, на горизонте в третий раз появились черные столбы дыма. Телеграф принял новый вопль адмирала:

«Золотые черноморцы! Что вы делаете? Безумцы, покайтесь!»

Ответили:

«Требуем к себе адмирала...»

Тогда эскадра продолжала приближаться к нам. Мы быстро снялись с якоря, горнисты заиграли боевую тревогу, а команда живо переделалась в парадную форму, считая для себя большим праздником открытый бой со старым режимом.

«Потемкин» полным ходом, наведя орудия на приближавшиеся корабли, понесся навстречу эскадре.

Я не видел сам этого знаменитого «немного боя» «Потемкина» с эскадрой. Задолго до встречи с ней я уже спустился глубоко в недра корабля, в командирскую рубку подводных минных аппаратов.

Легко понять, что переживал я тогда, в эти показавшиеся мне вечностью минуты, следя за циферблатом, передававшим распоряжения командира. Ведь это был решающий момент...

Наверху все готово к бою. Динамомашинны гиганта, доверенные мне товарищами, должны работать без отказа. Случись авария хотя бы одной из них, и грозный броненосец потеряет свою мощь — неподвижно застынут опромные боевые башни, паралич охватит орудия, погаснет освещение. Страшное напряжение охватило все мое существо.

Я ждал с секунды на секунду грохота залпов наверху и команды «пли» на моем циферблате, чтобы пустить в ход свои восемь минных аппаратов. Но, кроме гула работавших машин, я не услышал ничего.

15-е июня. Вдова.

Мэри-мать ушла. Вдова-мать
была приехала на ферму и на
нашей сестре по утрам
вела Анна. Она была сестра
в сестру. Сестра была сестра
брату. Мать была сестра
на мать. Брат был сестра.
Брат был сестра.

Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.

20-е июня. Мать была сестра.

Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.
Мать была сестра. Мать была сестра.

Записи из дневника царя Николая II о восстании на «Потемкине».

И второе:

«КО ВСЕМ ЕВРОПЕЙСКИМ ДЕРЖАВАМ.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» начала решительную борьбу против Российского самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плавающим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.

*Команда эскадренного броненосца
«Князь Потемкин-Таврический» и
миноносца № 267».*

Румынское правительство предложило нам сдаться и оставить все оружие на борту судна. Снабдить нас углем и водой, а также разрешить закупать продукты оно отказалось. Без колебаний мы решили отвергнуть предложение румынского правительства и идти в Феодосию, иначе говоря, вернуться в Россию.

Двадцать второго июня мы неожиданно появились перед Феодосией, где ничего еще не знали о нашем восстании. Встав на якорь, мы тотчас же потребовали, чтобы гражданские власти прибыли к нам для переговоров. Они не замедлили явиться и пообещали снабдить нас всем необходимым.

Действительно, в тот же день мы получили провизию и немного пресной воды. Но на следующий день, когда мы потребовали угля, мы встретили категорический отказ. Попытка взять уголь силой окончилась неудачей: из порта открыли сильный огонь по нашим товарищам, и они вынуждены были отступить ни с чем, потеряв несколько человек убитыми, ранеными и пленными. Погибли в Феодосии от вражеских пуль Никишкин и Козленко, ранены Ковалев, Переседов и попали

КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МИРУ

Грядущее спасет страну и волею народов.

Перед Вами писемно проследить грандиозные события великой освободительной борьбы - угнетенные и пораженные народы России не выносили этого гнета и славной доблестного самопожертвования. Разорение, уничтожение и бедствие, до которого русские Правительство довело многострадающую Россию переполняли чашу терпимости трудящихся. Но война горела и сжигала, возмущая уже массы народного негодования и коммунизма.

Народные массы возмущались и гудом "ДОЛОН ЧАВШИМ ЦЕПЬ ДВОУГОЛЫЯ И ДА ЗАВРАТКУЮТЬ СВОБОДА" как гром разлетелась по всей необъятной России. Но Правительство решило, что лучше утопить страну из народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И великими дракой самоотверженности борются дьяволы царицы по всей России. Однако самоотверженности одного - что темнее в захватах армий, что сильнее оружие за его проклятых захватчиков, есть тот же оплот народа, есть силы, там же оплот трудящихся, которые решали добиваться свободы. И вот же, НИКАКИХ ОГРАЖДЕНИЙ БРОНЕНОСЦА "КНЯЗЬ ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ", решается не с единоклассно дьявол этот перестанет великим шепотом. Встретят же броне-носца - рабочие и крестьяне, которые пали от солдатских пули и убили.

Потом, не убили, не не палач своего народа, а защитники его в нашей общей борьбе: смерть или свобода для всего народа. Мы требуем немедленной приостановки безудержного провозглашения на полях далекой коммунизма. Мы требуем немедленного повсеместного УБЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. И эти требования мы единогласно готовы вместе с нашими броне-носцами нести в бой или добьемся победы. Мы глубоко уверены, что честные граждане всех стран и народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбе за свободу.

ДОЛОН САМОДЕРЖАВИЕ, ДА ЗАВРАТКУЮТЬ УБЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Команда броненосца "Князь Потемкин-Таврический" и миноносца № 267.

в плен Фельдман, Кошуба, Заволошин, Циркунов, Мартыанов и ряд других. Фельдману удалось впоследствии бежать из севастопольской тюрьмы. Кошубу казнили в Севастополе, остальных приговорили к долгосрочной каторге.

В Феодосии повторилось то же, что и в Одессе в момент измены нам «Георгия Победоносца». Разразилась паника. Небольшая часть матросов бросилась было к орудиям, чтобы открыть огонь по городу, но, под натиском подавляющего большинства, вынуждена была отказаться от этого.

Вопреки всем уговорам комитетчиков, «Потемкин» снова снялся с якоря и ушел в открытое море. После непродолжительного спора, окончательно упавшая духом команда решила опять идти в Румынию сдаваться. Повлияло на это решение и то обстоятельство, что из-за недостатка пресной воды в котлы подавалась морская, и они начали быстро портиться.

Двадцать пятого июня «Потемкин» снова появился у берегов Румынии. Румынское правительство приняло нас сравнительно терпимо. Были созданы две комиссии: одна наша — для сдачи корабля, а другая румынская — для приема его.

Утром двадцать седьмого июня на горизонте появилась русская эскадра и потребовала от Румынии передачи ей оставленного нами «Потемкина» и миноносца № 267. Румынское правительство выполнило это требование.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Итак, наше восстание на «Потемкине» потерпело неудачу. Оно не привело к тем результатам, которых мы, участники его, ожидали. Правда, мы в то время весьма смутно представляли себе эти возможные результаты. Во всяком случае, только ленинский анализ потемкинской эпопеи позволил нам осознать огромную историческую важность того, чем явились эти одиннадцать дней восстания для революции в России. Ленин писал:

«Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма, — целый броненосец, — перешла открыто на сторону революции. Бешеные усилия и всевозможные уловки употребляло правительство, чтобы скрыть от народа это событие, чтобы потушить восстание матросов в самом начале. Ничто не помогло. Посланные против революционного броненосца «Потемкина» военные суда отказались бороться против товарищей. Распространив по Европе известия о сдаче «Потемкина», о царском приказе потопить революционный броненосец, самодержавное правительство только окончательно опозорило себя перед всем миром. Эскадра вернулась в Севастополь, правительство спешит распустить матросов, разоружить военные суда; ходят слухи о массовой отставке офицеров Черноморского фло-

та; на сдавшемся броненосце «Георгий Победоносец» опять начались возмущения. В Либаве и Кронштадте матросы тоже восстают; учащаются столкновения с войском; идет (в Либаве) бой на баррикадах матросов и рабочих против солдат. В заграничной печати сообщается о возмущениях на целом ряде других военных судов («Минин», «Александр Второй» и т. д.). Царское правительство оказалось без флота. Самое большее, чего ему удалось пока добиться, — это удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии.

Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте. Наше дело теперь — поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное знамя свободы, способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие.»¹

Приведу такие прекрасные, вдохновенные заключительные слова из большой статьи, напечатанной 3 июля

¹ Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 380.

1905 года в № 10 центрального органа нашей партии «Пролетарий»:

«Князь Потемкин-Таврический» сдался румынским властям. Но разве это поражение революции? Нет, вся кампания этого первого революционного броненосца была сплошной победой революции. Разве она не раскрыла бессилия противника? Разве она не разоблачила революционного брожения в самой, казалось, прочной опоре трона — флоте и армии? Разве она не заставила Николая унижаться до просьбы о помощи у иностранных держав? Разве она не сорвала отрешив порфиры, прикрывающих наготу самодержавия? Нет, не на этом одном судне покоились надежды русской революции. Его история была лишь одним из эпизодов, одним из многочисленных эпизодов ее. Тот могучий броненосец, которому суждено освободить Россию, корабль — ски-талец русской революции — он жив, он цел, грозной громадой надвигается он на врага, зловеще сверкают жерла пушек, жаждой боя сгорает команда, а высоко в воздухе радостно вьется и трепещет красное знамя свободы.

Сим победиши!»

Трудно, да и вряд ли возможно теперь гадать о том, что мог бы совершить революционный «Потемкин», будь среди нас тогда опытный и сильный организатор-большевик. Но бесспорно то, что нами могло быть сделано неизмеримо больше. Ленин в те дни не только анализировал значение нашего восстания, он рвался к нам, чтобы стать во главе его. Вот что рассказывает товарищ Васильев-Южин:

«Весть о восстании на «Потемкине» проникла за границу лишь через несколько дней. Легко себе представить, какое возбуждение она вызвала в среде революционной эмиграции. Всех потянуло в Россию. И вот

мне передают, что меня ищет Владимир Ильич по очень важному и срочному делу. Я немедленно собрался идти к нему, но он предупредил меня и зашел сам. Разговор был недолгий.

— По постановлению Центрального комитета вы, товарищ Южин, должны завтра выехать в Одессу, — начал Ильич.

— Готов хоть сегодня. Какие задания?

— Задания самые серьезные. Есть опасение, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать восстание на броненосце «Потемкин». Вам необходимо добиться, чтобы немедленно был сделан десант. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедить матросов действовать решительно. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружить рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. Предложите им захватить помещичьи земли и соединиться для общей борьбы с рабочими. Крестьянам уделите больше внимания. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное исключительное значение.

Ильич явно волновался и увлекался. В таком состоянии я раньше никогда его не видел. Особенно меня поразили и, каюсь, удивили его дальнейшие планы.

— Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в свои руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно и смело. Тогда немедленно посылайте миноносец за мной. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, считаю совершенно возможным. Нуж-

РЕЙС ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ ВОСТАВШЕГО БРОНЕНО

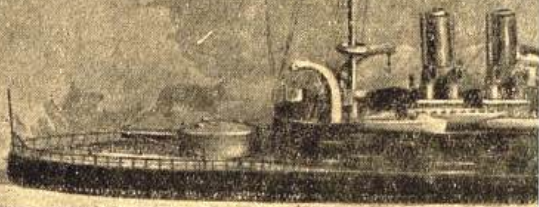
А. Н. ВАСИУХИН
КАПИТАН ВМФ
1914

КОНСТАНЦА

ОДЕССА

ФЕВРОС

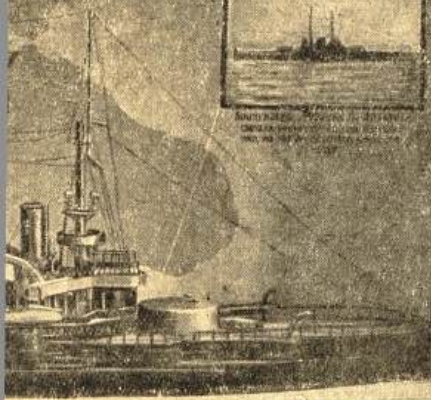
ПЕКАРЬ

США „КНЯЗЬ ПОТЕМКИН ТАВРИЧЕСКИЙ“

Князь Потемкин Таврический
на рейде Одессы 1905 г.
Фот. А. И. Савицкого

но только действовать решительно и быстро, — уверенно повторил он.

Я конечно повторил, что готов выехать немедленно, и уехал на следующий день. Перед отъездом Владимир Ильич еще раз говорил со мной и снова подчеркнул, что особенно нужно стараться заручиться активной поддержкой крестьян.

Итак, я выехал с курьерским поездом через Австрию в Россию.

На следующий день я связался с организацией. Выяснилось, что я опоздал. Броненосец «Потёмкин» уже ушел из Одессы¹.

Итак, нужно было «только действовать решительно и быстро». План Ильича, как видим, был очень смел и грандиозен, но, как всегда, вполне реален и выполним.

Опасения Ильича, что «одесские товарищи не сумеют как следует использовать восстание», тоже оказались вполне обоснованными. Одесская большевистская организация не прислала к нам своих представителей. Очевидно, это случилось потому, что непосредственно перед приходом «Потемкина» Одесский большевистский комитет был разгромлен полицией.

К нам на броненосец прибыли Фельдман и Кирилл (Березовский). Оба они были меньшевиками и, естественно, уже только по этой одной причине не были способны возглавить революционное восстание. И Фельдман, и Кирилл быстро освоились с обстановкой и приняли активное участие в работе революционного комитета «Потемкина». Они превосходили всех нас, матросов социал-демократов, своим политическим развитием, имели значительный опыт политической работы, но они не были, да и не могли

¹ Сборник «Моряки в революции 1905—1906 гг.», стр. 199

рабочих и крестьян от буржуазного влияния меньшевиков и эсеров, за объединение их вокруг большевиков для последнего и решительного боя с царизмом и капитализмом, привела трудящихся России в 1917 г. под руководством большевистской партии, под руководством Ленина и Сталина к победе Великой пролетарской революции, к победе социализма в нашей стране.

Без уроков революции 1905 г., и в частности потемкинских событий, эта победа была бы невозможна.

Гром пушек крейсера «Аврора», расстрелявшего в 1917 г. Зимний дворец, последний оплот буржуазного временного правительства, был прямым продолжением и завершением всенародного восстания против царизма и капитализма, начатого в 1905 г. героической командой эскадренного броненосца царского флота «Князь Потемкин-Таврический».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

К вечеру двадцать шестого июня наша пловучая республика опустела. Тяжело было нам оставлять мощный корабль, успевший стать за эти одиннадцать дней родным и любимым. Несмотря на то, что решение сдаться было принято всей командой единодушно, часть товарищей в последний момент выдвинула предложение взорвать броненосец. С трудом удалось их отговорить, доказав бессмысленность этого акта, который мог к тому же только ухудшить наше положение.

Шлюпки и катера засновали от броненосца к берегу, перевоза матросов и их жалкий скарб. Все пустыннее и тише становилось на корабле. Обычно веселая и шумная матросская братва присмирела. Всем, очевидно, было не по себе. Большинство из нас, успевших осознать себя бойцами революции, остро переживали расставание с кораблем, горечь ухода от революционной борьбы. Менее революционно-настроенные матросы, очевидно, мучились сознанием разлуки с семьями, родными, близкими. Предатели и трусы в эти тягостные часы не смели проявлять свою радость.

Шлюпки увозили мрачных людей. Вглядываясь в сверкающие огни Констанцы, мы силились угадать, что ждет каждого из нас на чужбине...

Потемкинцы покидают броненосец в Констанце (Румыния).

Берег встретил нас бурей приветственных криков. Они гремели и перекатывались по всей набережной. Огромная толпа трудящихся Констанцы встречала команду русского революционного броненосца.

Эта замечательная демонстрация интернациональной солидарности трудящихся произвела на нас огромное и неизгладимое впечатление. Тяжелые мысли исчезли. Радостный гул приветствий, которых мы не ожидали, доказал нам, как близки рабочим всех национальностей наши революционные идеи. В этот вечер мы поняли, какими неразрывными узами братской солидарности связаны пролетарии всех стран.

Но в этот же вечер мы убедились и в другом. Не успели мы сделать несколько шагов навстречу ожидавшей нас толпе демонстрантов, как очутились в тесном кольце румынских солдат с ружьями на-изготовку. В

толпе, встречавшей нас, стали раздаваться уже не приветственные крики — ее энергично разгоняли войска.

Мы заволновались. Мелькнула мысль, что румынское правительство обмануло нас. Поверив его успокоительным обещаниям, мы согласились оставить нашу грозную крепость безоружными, а теперь оно хочет арестовать нас и передать русским властям. Измена казалась вполне правдоподобной, но паники это у нас не вызвало.

Быстро обсудив положение, мы решили, в случае, если наши подозрения подтвердятся, не даваться живыми в руки. Страшное озлобление охватило всех матросов. Достаточно было бы солдатам проявить какое-либо насилие, чтобы град камней обрушился на них.

Но наши подозрения оправдались лишь частично. Румынское правительство в тот момент еще не предполагало предавать нас, но оно было очень встревожено и напугано революционными настроениями, так горячо проявляемыми рабочими Констанцы. Солдаты должны были послужить плотиной, которая бы сдержала этот мощный поток революционных чувств.

Офицеры, командовавшие солдатами, разъяснили нам, что войска, мол, должны охранять нас от жуликов и воров, которые, по их словам, пользуясь нашим незнанием румынского языка и быта, будто бы могли нас обидеть. Несколько успокоенные, мы под конвоем солдат отправились в город, сопровождаемые приветствиями толпившихся на тротуарах жителей.

Нас привели в казарму для ночлега. Солдат действительно увели, но нас просили не гулять по городу до тех пор, пока не будет произведен обмен наших русских денег.

После обмена денег, взятых нами в судовой кассе,

каждому из матросов досталось по сорока семи франков.

Таковы были те «сокровища», в краже которых клеветнически обвиняло потемкинцев лживое царское правительство.

Располагая такими «капиталами», каждый из нас, естественно, задумался о том, как обеспечить свое существование. Нечего было и думать конечно прожить на полученные деньги даже несколько дней. Мы поэтому тотчас же осадили свою комиссию заявлениями о предоставлении работы. Состоялось объединенное заседание нашей и румынской комиссий. Мы требовали не только предоставления работы матросам, но и чтобы нас поскорее выпустили из Констанцы, так как русское правительство настойчиво требовало выдать нас вместе с броненосцем. Было решено в эту же ночь отправить нас в глубь страны. Началась подготовка экстренных поездов, а мы тем временем разбрелись по городу.

Приветственная демонстрация на набережной не была только вспышкой революционной солидарности. Город не спал в эту ночь. Улицы кишели людьми.

Везде можно было видеть тесные толпы румынских рабочих и интеллигентов, слушавших рассказы наших матросов. Незнание нами языка не служило серьезным препятствием, так как почти в каждой группе слушателей легко находился переводчик. Многих матросов румыны приглашали к себе домой, радушно угощали и всячески старались ободрить.

Прекрасная это была ночь. Даже теперь, вспоминая ее, я переживаю ту же радость братской любви, которая наполняла нас тогда. Всего лишь несколько часов перед тем мы чувствовали себя изгнанниками, будущее сулило одиночество и невзгоды, в Констанце мы ощутили, как необъятно велика семья пролетариев.

Мы веселились, отдыхая от пережитого. Звуки оркестров, игравших в садах, переплелись с нашими русскими песнями. Их пели вместе с нами и румынские рабочие. Очень музыкальные, они быстро схватывали мотив. Не все они понимали слова песен, но чувствовали они то же, что и мы, — песни лились радостно и задумчиво.

Мне не хотелось бы омрачать эти страницы, но я должен сказать, что не обошлось и без неприятных инцидентов в эту ночь.

Кое-кто из отсталых матросов, и на «Потемкине» чуждых нашей революционной среде, не удержался от соблазна. Трусы и нитики в дни восстания, они здесь почувствовали себя «героями». Обласканные радушными хозяевами, свободные от судовой дисциплины, они обрадовались даровому угощению и, выпив чрезмерно, начали буйнить.

Не обошлось кое-где и без драк. Всех буйнов конечно немедленно успокоили сознательные товарищи и увезли в казарму.

В три часа ночи мы погрузились в поезда и покинули гостеприимную Констанцу.

Разъезжались мы в разные города Румынии: Бухарест, Брайлов, Кымпин, Бузеу. Как единый коллектив «Потемкин» перестал существовать. Это вполне входило в планы румынского правительства.

Снова нас охватили тяжелые чувства. С первых часов восстания мы стремились объединиться в крепкий революционный отряд. Каждый из нас признавал себя сильным только как боец этого отряда. Наша борьба была прежде всего борьбой за сплочение перед лицом заклятого врага. И в минуты разлуки каждый из нас особенно остро переживал горечь нашего поражения...

Я с группой товарищей в эту же ночь выехал в го-

Группа матросов «Потемкина» в Констанце.

род Бузеу. В Констанце осталась незначительная группа матросов. Они были свидетелями того, как пришла за «Потемкиным» и миноносцем № 267 царская эскадра.

Они видели также, как предатели, бывшие среди нас,

с прапорщиком Алексеевым во главе, поспешили сдать-ся русским властям, надеясь получить награду за свою верную службу. Им удалось увлечь за собой еще тридцать семь человек из числа наиболее неосознательных и отсталых матросов.

Тяжелое разочарование ожидало этих несчастных. Все они, за исключением царских шпионов и известных охранке провокаторов, очутились в арестантских ротах, пловучих тюрьмах и на каторге. Самодержавие мстило зверски, жестоко и беспощадно.

Всех оставшихся за границей также судили заочно. Нас, членов революционного комитета «Потемкина», приговорили к смертной казни через повешение.

Спустя некоторое время мы, потемкинцы, социал-демократы, в количестве 29 человек, обратились с открытым письмом в газету «Искра».

«Революционеры-матросы эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», принадлежащие, многие формально, а другие фактически, к Крымскому союзу РСДРП партии, шлют через посредство редакции «Искры» товарищеский привет всему русскому пролетариату. Вместе с ним и вместе со всеми борцами за свободу России мы глубоко сожалеем о неполном успехе нашего революционного предприятия. Но мы смеем уверить всех товарищей, что лишь непреодолимые технические трудности и абсолютная невозможность достать уголь поставили нас в печальную и трагическую необходимость покинуть наш броненосец. Теперь мы остаемся больше, чем когда-либо, верными делу пролетариата и свободы в России и выражаем полную готовность жертвовать своею жизнью по примеру своих товарищей, павших перед Феодосией. Наш девиз теперь, как и раньше, остается: «Смерть или свобода для всей России»...

Это письмо было вызвано тем, что мы получили окольным- путем множество приветствий и изъявлений сочувствия от рабочих из России.

Мы решили этим своим письмом отблагодарить товарищей и заверить их в нашей готовности в любой час поднять вновь знамя борьбы с царизмом и капитализмом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В Бузеу я прожил всего две недели, работая котельщиком. Вместе с несколькими товарищами мы решили поехать в имение одного помещика, на молотьбу хлеба.

Меня этот помещик решил использовать весьма основательно. Кроме управления паровой молотилкой, что являлось основной моей работой, он обязал меня выполнять все слесарные и кузнечные работы по его хозяйству. Кроме меня, здесь работали еще три матроса. Один из них, Алексеев, знал румынский язык (он был родом из Бессарабии), и наличие своего переводчика очень облегчало наше положение.

В имении нанявшего нас помещика было две паровых молотилки, паровая мельница и ряд сложных сельскохозяйственных машин. Мы, все четверо, работали у него механиками. Желая расположить нас в свою пользу, помещик в первые дни нашей работы проявил к нам известное внимание. В частности, он не скупился вначале на наше питание. Но решив вскоре, что мы уже достаточно «обласканы», он стал прижимать нас все сильнее и сильнее. Питание с каждым днем все ухудшалось. Вместе с тем помещик требовал от нас шестнадцатичасовой работы. Ясное дело, мы не могли примириться с таким положением и решили забастовать.

Мы бросили молотилки и потребовали от хозяина увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня и улучшения пищи.

Наша забастовка поставила помещика в очень тяжелое положение. Без нас не могли работать более сотни других его батраков. Он согласился на переговоры, но проявил при этом такую неуступчивость, что не было надежды на соглашение. Длились эти бесплодные переговоры целые сутки, работа между тем не производилась. Помещик в конце концов решил силой принудить нас работать и стал угрожать нам. Тогда мы забрали свои пожитки и отправились на ближайшую железнодорожную станцию. Дождались поезда и уехали обратно в Бузеу, а оттуда в Бухарест.

В Бухаресте я встретил много своих товарищей и в том числе Матюшенко. Он познакомил меня с семьей профессора Арборе, сыгравшего большую роль в нашей дальнейшей жизни.

Это была очень интересная семья. Старик Арборе, в прошлом народоволец, бежавший из Сибири, — к моменту нашего знакомства был влиятельным эсером. Жил он с сыном и двумя дочерьми. Сын Арборе был убежденный анархист, одна из дочерей — социал-демократка, уже тогда очень близкая большевикам, вторая дочь не интересовалась политикой и была весьма далека от какой бы то ни было революционной работы.

В маленьком домике Арборе, с примыкавшим к нему небольшим виноградником, часто разгорались жаркие политические споры. Кроме нас, нескольких потемкинцев, к Арборе часто приезжал из Плоешти Доброджан — старый меньшевик, со своим сыном, убежденным большевиком. Наезжал также частенько доктор Петро из Добруджи, эсер.

Шумно становилось тогда в маленьких комнатках домика Арборе. Спорили по самым разнообразным вопросам. Здесь сталкивались самые противоположные политические взгляды и воззрения: большевики, меньшевики, эсеры и анархисты высказывали свою точку зрения на политические события, критиковали тактику противников. Жадно прислушиваясь к ним и принимая посильное участие в спорах, мы незаметно для себя накапливали недостававший нам до сих пор теоретический багаж.

По-разному, конечно, воспринимали мы все, что приходилось слышать в домике Арборе. Я, например, здесь впервые по-настоящему разобрался, в чем заключалась разница между меньшевиками и большевиками, и окончательно закрепился на избранном мною ранее большевистском пути. Матюшенко же, так любивший раньше называть себя социал-демократом, стал сначала, под влиянием старика Арборе, эсером, а затем, очевидно, уже под влиянием сына Арборе, начал склоняться к анархистам.

С помощью этой же группы радикальных интеллигентов мы организовали в Бухаресте Объединенный матросский комитет (нечто в роде центра). Вошли в этот комитет Матюшенко, Спинов, Волобуев, Макаров и я.

Мысль о создании подобного комитета зародилась у нас еще во время разъезда из Констанцы. Сознывая, какое огромное значение для революции имеет такой многочисленный коллектив революционных матросов, мы очень болезненно переживали его раздробление, считая, что оно преграждает нам путь к революционной борьбе в будущем.

В задачу комитета входило сохранить и подготовить отряд потемкинцев для будущих боев, — а в прибли-

жение их мы твердо верили. С этой целью мы стремились объединить наши распыленные силы и наладить постоянную связь между всеми потемкинцами.

Кроме того, комитет должен был развернуть политико-просветительную работу среди потемкинцев. В частности, мы считали своей обязанностью организовать систематическую информацию о политических событиях в России. На комитет также возлагалось установление постоянной связи с большевистским ЦК в Женеве. Наконец, более или менее отдаленной задачей комитета мы считали переброску подготовленных групп матросов в Россию для нелегальной работы.

Такова была в общих чертах программа нашего Объединенного матросского комитета. Уже название его само по себе свидетельствует, что четкой партийной окраски этот комитет не имел. В нем предполагалось вести революционную работу, независимо от разницы политических убеждений объединяемых комитетом матросов. Это очень ярко подтверждалось партийным составом комитета:

1. Матюшенко — эсер (хотя он попрежнему все еще именовал себя социал-демократом).
- 2. Лычев — социал-демократ большевик.
3. Спинов — социал-демократ большевик.
4. Волобуев — эсер.
5. Макаров — социал-демократ, но тогда еще не определившийся.

И все же комитет находился под преобладающим влиянием большевиков. Вся его работа велась, главным образом, по их директивам и указаниям.

Вскоре после организации комитета мы разъехались выполнять его задания.

Матюшенко уехал в Женеву. Там он встретился с В. И. Лениным и Плехановым. Побывал также Матю-

шенко — разумеется, без санкции и ведома комитета — и у... Гапона, также проживавшего в то время в Женеве.

Матюшенко говорил потом, что он пошел к Гапону в надежде получить от него деньги на вооружение и отправку матросской экспедиции в Петербург. Эта мысль, между прочим, не оставляла Матюшенко во все время пребывания его за границей. Как он предполагал осуществить это фантастическое предприятие, каков был план организации этой экспедиции, Матюшенко не говорил. Возможно, что и сам он не представлял себе этого достаточно ясно, но о деньгах и оружии он говорил часто и упорно. Поэтому такое объяснение его «визита» к Гапону вполне правдоподобно. Матюшенко конечно понимал, что Ленин не мог дать ему денег, а если бы даже и располагал ими, вряд ли одобрил бы это предприятие, очень смахивавшее на анархистскую авантюру.

По словам Матюшенко, Гапон обещал ему дать денег и помочь достать оружие, как только отряд будет организован. Вскоре после этого Гапон вернулся в Россию, где впоследствии был разоблачен как провокатор и убит эсерами.

Вскоре Матюшенко завершил свой жизненный путь. С первых же дней пребывания за границей Матюшенко рвался в Россию. Его кипучая натура требовала новой революционной работы. Не помогли никакие уговоры. Матюшенко пренебрег предостережениями товарищей и в мае 1907 года пробрался в Россию. Через несколько дней его арестовали в Николаеве, потом судили в Севастополе, и 20 октября (ст. ст.) Матюшенко не стало...

Царская виселица прервала яркую жизнь Афанасия Матюшенко...

Я выехал по поручению комитета в Галац. Там находилась значительная группа матросов, возглавляемая Демченко и Куруловым. Доклад мой об организации нашего комитета и его программе был встречен здесь с большим интересом. Создание комитета товарищи одобряли и избрали комитет своей группы во главе с Демченко и Куруловым. Среди матросов, проживавших в Галаце, развернулась активная политическая работа, установили связь с Бухарестским комитетом.

Точно так же были созданы групповые комитеты в целом ряде других городов Румынии. Спинов, например, организовал такой комитет в Констанце. Избраны были в этот комитет Денисенко, Кулик, Самсонов.

Проработав около трех месяцев в комитете, я переехал в город Кымпин, где жили около восьмидесяти наших товарищей. Сюда же перебрался вскоре и Спинов. Ознакомившись с положением, мы решили организовать здесь коммуны потемкинцев.

Это действительно диктовалось всей обстановкой. Прежде всего, создав коммуны, мы могли улучшить условия жизни для многих товарищей, нуждавшихся в серьезной помощи. Коммуна с ее коллективными формами быта обеспечивала также благоприятные условия для политико-просветительной работы. Перед коммуной мы ставили еще одну очень важную задачу: она должна была служить базой для политэмигрантов из России. Под видом потемкинцев их легко можно было направлять сюда.

Товарищи поддерживали наше предложение. Вскоре коммуна была создана.

Вначале объединилось в коммуны тридцать шесть человек. Управлял коммуной комитет, в состав которого были избраны: Спинов — председатель, освобож-

денный от работы на фабрике, Лычев — заместитель председателя и Матюшенко, Недбайлов и Бирюков — члены комитета.

Мы наняли большой дом для общежития, человек на двадцать пять, второй дом поменьше, под кухню и столовую, и еще два маленьких домика, в которых разместилось правление коммуны и единственный тогда среди нас семейный товарищ.

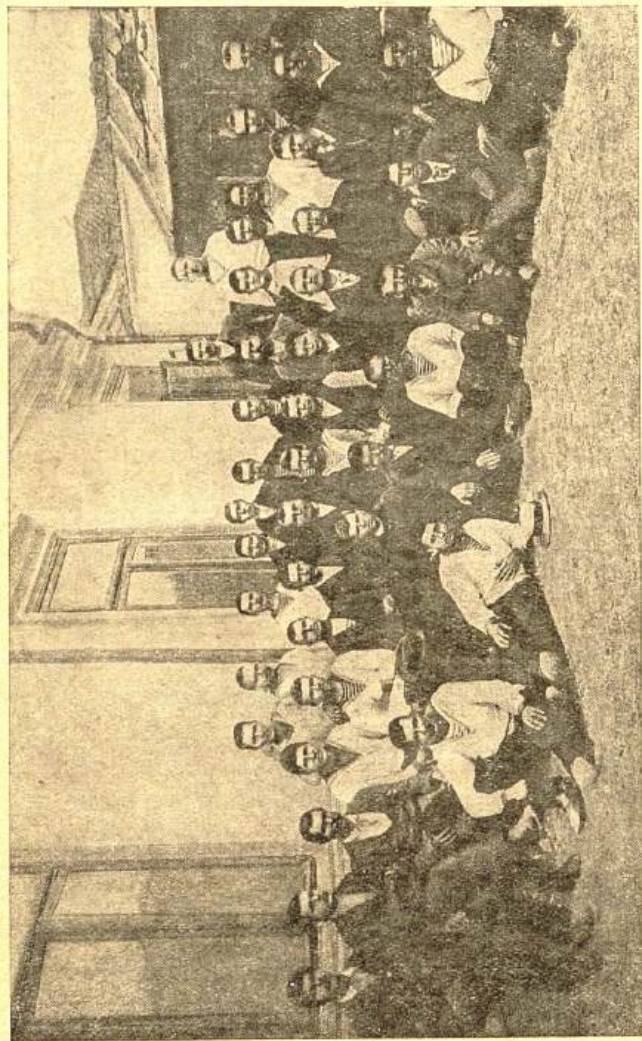
Правила коммуны устанавливали полный отказ ее членов от частной собственности. Все имущество каждого из нас, вплоть до белья, составляло имущество коммуны. Каждому коммунару предоставлялось право, по мере необходимости, получать все необходимое ему из склада коммуны... Ведал всем имуществом коммуны товарищ Спинов. Весь свой заработок члены коммуны вносили в общую кассу, из которой каждому выдавалось по двадцать франков на его мелкие личные потребности. Такую же сумму получали из общей кассы и безработные, жившие и питавшиеся в коммуне. Дети коммунаров воспитывались за счет коммуны.

Это была первая коммуна, организованная потемкинцами в Румынии. Подобные же коммуны, только менее значительные по численности, несколько позже организовались в Констанце, Бухаресте и других городах.

Материальное положение большинства потемкинцев к этому времени успело стать попросту катастрофическим.

Я приведу отрывок из письма — с сохранением его стиля — потемкинца Цымбала (к старику Арборе), с моих слов нарисовавшего предельную нужду и бедствия наших товарищей в Галаце:

«Товарищ Лычев ездил в г. Галацы и говорит, между прочим, так: приезжаю я в Галацы вечером, пошел

Группа потемкинцев в Румынии.

отыскивать своих, попадаетесь мне навстречу один наш товарищ, приехавший из Браилова в Галацы на работу, оборванный, как нельзя больше, и ни бон¹ в кармане. Этот товарищ указал мне квартиру наших товарищей. Прихожу. Вошел я в квартиру, и первое, что поразило меня, так это разостланная рогожа на полу, на ней валяются пять душ людей: трое мужчин и две женщины под одним казенным одеялом, и в их квартире словно работает рефрижератор, следует только поставить формы с водой и получится лед. Я дал 50 бон, купили дров, натопили квартиру. Завелся у нас разговор, расспросил я про ихнюю жизнь, и обитатели квартиры заявили: полтора месяца уже такая жизнь, как ты видишь. Работы нет, да если бы сейчас и была работа, то уже не во что одеться, чтобы выйти работать... Таким образом мы провели ночь, на следующее утро встали в чем спали, и один из обитателей квартиры достал 20 бон, подал женщинам и говорит: вот вам на целый день, как хотите, больше нет, и мы ушли пить чай. Эти люди из лучших наших товарищей, боровшихся под знаменем русской революции, а сейчас выпало им на долю бороться за свое существование, как-то: с холодом, голодом и т. д.

Я вам пишу о наименьшем размере ихнего бедствия, так как, что они пережили за это время, то в это письмо нельзя поместить»².

С первых же дней организации коммуны мы развернули большую политическую работу. Нас не покидала уверенность в том, что близок возврат к революционной борьбе. Каждое новое известие из России о росте забастовочного движения, о волнениях в войсках, о

¹ Б о н а — румынская денежная единица.

² Подлинник письма хранится в Музее революции СССР.

восстании на «Очакове» и других судах Черноморского флота укрепляло эту нашу уверенность.

Осенью мы послали двух товарищей — Макарова и Волобуева — в Петербург. Они нелегально пробыли там около четырех месяцев и привезли нам обширную информацию о росте революционного движения, еще более окрылившую наши надежды на скорое возвращение в Россию.

В то же время мы изучали политэкономия, математику, физику, географию и другие общеобразовательные предметы. Преподавал нам сын Арборе — Дмитрий, с этой целью приехавший в Кымпин на 5—6 месяцев.

Мы упорно и много учились, спеша пополнить недостаток знаний, в чем мы убедились еще в дни восстания. Анализируя революционные события, происходившие в России, мы старались определить причины отдельных поражений, изучали расстановку классовых сил и тактику политических партий. В этом нам очень помогала большевистская литература, в изрядном количестве получаемая нами из Женевы.

Но все же это не была учеба в общепринятом смысле этого слова, — это была в то же время страстная и непримиримая борьба. Вскоре после организации коммуны в нашей среде выделилась группа большевиков, группа меньшевиков во главе с Савотченко и группа анархистов во главе с Бредихиным. Единство наше ограничилось лишь рамками коммуны, но не было единством политических воззрений.

Известия, получаемые нами из России, по-разному воспринимались и оценивались нашей большевистской группой и меньшевиками. Жаркие политические споры между нами стали неотъемлемым фоном всей нашей жизни в коммуне. Они становились все более жесто-

ченными и непримиримыми по мере роста нашей политической зрелости, перерастая в политическую борьбу внутри коммуны. Чаще всего предметом спора являлись вопросы социал-демократической тактики, как например, вопрос об отношении к Государственной думе, об оценке декабрьского восстания. Мы промиди конституционные иллюзии и оппортунистические шатания меньшевиков и их уклончивые и путанные позиции в оценке революционного момента и классовых задач пролетариата.

Эта политическая борьба внутри коммуны сыграла огромную роль, формируя и закаляя наше большевистское мировоззрение.

Около полугода Кымпинская коммуна, организованная нами, просуществовала без сколько-нибудь заметных потрясений. Затем начался второй, менее счастливый период. С ростом количества коммунаров росло и количество мелких конфликтов и склок, расшатывавших коммуну. Дело в том, что среди новых членов коммуны оказалось несколько лодырей, рассматривавших коммуну как удобный способ жить не работая. Пользуясь тем, что многое у нас в коммуне было основано на взаимном доверии, они опускались часто до наглого обмана. Так, например, один из этих «коммунаров» дошел до того, что перестал ходить на работу, но аккуратнейшим образом являлся к обеду. Когда же наступали дни полочки, он заявлял, что его обокрали, и получал деньги из кассы коммуны. Участились также случаи пьянства на деньги, полученные из общей кассы. Обычно все подобные «коммунары» отличались также исключительно небрежным и бесхозяйственным отношением к общему имуществу. Конечно всех этих лодырей, пьяниц и обманщиков мы беспощадно изгоняли из коммуны, но все это создава-

ло нездоровую обстановку, вызывало склоки, конфликты и очень болезненно отражалось на всей коммуне.

Положение нашей коммуны незадолго до ее распада очень красочно охарактеризовано в нашем письме к Арборе. Приведу его в отрывках, сохранив стиль.

«Состояние нашей коммуны очень плохое, капитал страшно гнетет нас. Этот проклятый капитал довел нас в настоящее время до наготы, плата совершенно ничтожная, так что большая часть наших коммунистов работает по 1 ф. 50 бон в день, но каждому человеку нужно минимальное число на харчи и квартиру 1 ф. 20 бон в день. Затем каждому нужна одежда и обувь, которая на этих местах страшно рвется. А второе, кто получает больше, тот побольше заходит в корчму и оставляет свой излишек там, а голытьба тоже, видя его подвиги, практикует такие же вещи, и, получая свою ничтожную плату, стремится скорее отдать свою долю в корчму, а в коммуну остаток, и с этих остатков не наберешь и на харчи, не только на одежду, мы теперь остаемся раздеты». И дальше:

«Затем упомяну вам за поведение некоторых из товарищей: 1-го февраля товарищи Щербинов и Рыжов, подпившись изрядно, поколотили один другого и один даже ночевал где-то неизвестно, но заметно то, что эти товарищи разуты и раздеты и не работали по 15 дней. За такие поступки они были исключены из коммуны, не буду упоминать всего, что здесь творится, но скажу одно, что люди еще не готовы к социальному строю... Нам даже пришлось принять меры для укрощения пьяных. Вот какое положение дел...

Пьянство в настоящее время почти прекратилось, за исключением немногих. Но нужда крайняя, за харчи кое-как расплатились, но на обмундирование нет ни

боны, для того, чтобы продолжать Коммуну. Нужны необходимые деньги, хотя франков 300. Каждому почти требуется рабочее платье и некоторым праздничное. Пьянство лишь прекратилось потому, что приняли такие крутые меры, и благодаря им избавились от пьянства. Из всего этого видно, что человек не привык жить по-братски, а все еще ищет, чтобы над ним была какая-либо власть и управляла им, а не он сам собою.

И вот очень жалко расстаться с Коммуной, но держаться больше не можем, и дней через пять наша Коммуна должна рассеяться, и, значит, пропала наша цель, пропала наша идея, а кто виновник всему этому — капитал... капитал...»¹

Все это в конце концов и привело к распаду нашей коммуны на несколько мелких коллективов. Известную роль сыграло и чрезвычайно усложнившееся управление коммуной в связи с тем, что к этому времени она насчитывала уже 70 членов.

Коллективы, возникшие в результате распада коммуны, имели уже менее обобществленный уклад, но все же это были ячейки, где мог найти приют и помощь каждый политэмигрант из России. Коммуна же, как база для русских политэмигрантов, безусловно сыграла большую роль. Через нее прошел не один десяток революционеров, вырвавшихся из кровавых лап царизма.

¹ Подлинник письма хранится в Музее революции СССР.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Кымпин — значительный промышленный центр Румынии. На фабриках и заводах этого города и на нефтяных промыслах работало в то время около семидесяти тысяч рабочих. Интерес к нам, потемкинцам, румынские рабочие проявили очень большой, а мы со своей стороны стремились установить с ними тесную и постоянную связь. Работая над повышением своего культурно-политического уровня, мы всячески старались помочь в этом и им. Часто мы проводили групповые беседы, очень обстоятельно и подробно разъясняя румынским рабочим политический смысл революционных событий, происходивших в России. Это по сути дела являлось лучшей формой революционной пропаганды.

Сближаясь с румынскими рабочими, изучая их быт и условия жизни, мы обнаружили, что в таком большом промышленном центре не оказалось — как это ни удивительно — ни одного профессионального союза. Обсудив этот вопрос, мы решили взять на себя организацию профсоюза металлистов, поскольку металлисты преобладали и среди нас и среди большинства кымпинских рабочих.

Дело пошло очень быстро и успешно. Союз рос буквально не по дням, а по часам. Этому, кроме большой

агитационной работы, проводившейся нами и связанными с нами румынскими товарищами, способствовало неравенство в оплате труда рабочих, очень резко проявлявшееся в то время в Румынии. В порядке вещей были такие факты, когда при равной квалификации токарь-немец получал восемь франков в день, русский — четыре-пять франков, а румын от двух с половиной до, самое большее, трех с половиной франков. Вот почему всю работу по организации нашего профсоюза мы проводили под лозунгом: «Равная оплата при равной квалификации независимо от национальности». Этот лозунг был понятен каждому румынскому рабочему, и поэтому наш союз так быстро рос.

С первых же дней своего существования союз начал практическую борьбу за осуществление этого лозунга. Первая же победа профсоюза на фабрике «Стява Ромына», где удалось добиться уравнивания ставок, принесла нашему союзу огромную популярность среди рабочих масс.

Нам даже удалось легализовать свой союз. В этом решающую помощь нам оказали связи, которые мы имели в Бухаресте. Основное ядро союза составляли потемкинцы, а всего в нем к осени 1906 года насчитывалось около двенадцати тысяч членов.

Но такой быстрый рост силы и популярности профсоюза встревожил не только предпринимателей, но и румынское правительство. Подозрительность и напряженность полиции в отношении нас росли с каждым днем: шпики все чаще и внимательнее присматривались ко всему, что происходило в нашей среде. Они чуяли, что здесь дело не только в защите экономических требований рабочих.

Причиной окончательного перелома в отношении правительства к профсоюзу и к потемкинцам послужи-

ли похороны одного из наших товарищей — Лысака. Это был преданный товарищ и хороший организатор. Его знали и любили очень многие местные рабочие. Погиб он мучительной смертью: машина искалечила его так, что он умер через два дня в местной больнице. Гибель Лысака не являлась результатом его неосторожности в обращении с машиной — это был заурядный несчастный случай, каких происходило великое множество на кымпинских фабриках и заводах, где о безопасности труда рабочих никто даже и не думал. Союз решил начать борьбу за охрану труда рабочих.

О смерти товарища Лысака союз широко оповестил всех рабочих Кымпина, обвиняя в ней хозяина фабрики, не принявшего никаких мер для безопасности труда рабочих. Профсоюз принял на себя организацию торжественных похорон Лысака, этот день объявил нерабочим, призвав всех трудящихся Кымпина к однодневной забастовке. К участию в похоронах пригласили всех рабочих Кымпина, а также делегации потемкинцев из других городов. Приехали на похороны Доброджан, доктор Петров.

Я со Спиновым отправился в префектуру города получить разрешение похоронить товарища Лысака «по русским обычаям». Ничего не подозревавший префект без всяких затруднений выдал разрешение, и мы с самым невинным видом простились с ним.

В день похорон товарища Лысака полиция города наблюдала необычайное зрелище. Со всех сторон к больнице, где покоилось тело умершего, стекались толпы рабочих с женами и детьми. Здесь их встречали члены комиссии по устройству похорон, выстраивали в многочисленные ряды и прикалывали всем красные банты, которых было заготовлено, кстати сказать, несколько тысяч.

Вскоре откуда-то вынырнули два запыхавшихся по-па. Их прислал директор фабрики, очевидно, надеявшийся, что такая забота растрогает рабочих.

В этот момент друзья Лысак вынесли из больницы гроб с его телом. Попы встрепнулись и затянули какой-то псалом, но их голоса тотчас же потонули в мощном хоре матросов, запевших «Замучен тяжелой неволей». Попы растерялись, но, не поняв песни, поплелись за гробом. Пение продолжалось, и попы тщетно пытались проявить какую-либо активность. Они явно обрадовались, увидев, что процессия приближается к церкви, и попросили меня остановить ее, чтобы провести отпевание покойника. Я ответил им, что по русским обычаям этого не требуется, и процессия продолжала двигаться своим порядком. Попы смущенно переглядывались и, очевидно, начинали подозревать что-то неладное. Окончательно убедились они в том, что присутствие их совершенно излишне, когда румынские рабочие запели «Интернационал». Прослушав первую же строфу, попы, не сказав никому ни слова, немедленно исчезли.

Многотысячная процессия прошла по всем главным улицам города, беспрерывно возрастая, и огромной лавиной заполнила почти все кладбище. У могилы начались речи. Говорили и на русском и на румынском языках. Выступали не только потемкинцы, выступили доктор Петров и другие приезжие — представители различных политических партий.

Как это ни странно, но полиция все это время бездействовала. Очевидно, разрешение префекта организовать похороны «по русским обычаям» усыпило ее бдительность и сбilo с толку. С кладбища процессия, не расходясь, направилась к дому, где жил вместе со мной и пятью другими матросами Лысак.

Шли, как и на кладбище, с пением революционных песен. Здесь один из товарищей произнес большую яркую речь об издевательствах буржуазии над рабочим классом, о беспощадной эксплуатации, которой подвергаются трудящиеся всех стран, и закончил призывом к рабочим Кымпина принять участие в революционной борьбе. Только после этого демонстранты под звуки «Интернационала» разошлись по домам.

Очевидно, к концу похорон, превратившихся в революционную демонстрацию, полиция все же поняла свою ошибку, так как в тот момент, когда закончился митинг, у нашего дома со всех сторон начали появляться большие группы полицейских. Но было уже поздно, и поэтому полиция сорвала свой гнев на союзе. Спустя некоторое время помещения профсоюза и клуба рабочих подверглись жесточайшему разгрому. Документы и литература, хранившиеся в союзе, были частью уничтожены, частью конфискованы. Не удовлетворившись разгромом помещений, полиция начала преследования членов комитета союза, часть из них ей удалось схватить и упрятать в тюрьму. Фактически союз оказался ликвидированным. На наше ходатайство о разрешении дальнейшего существования союза правительство ответило категорическим отказом.

Пришлось уходить в подполье, но союз продолжал все же работать нелегально с декабря 1906 года до марта 1907 года.

В этот же примерно период по всей Румынии прокатилась волна крестьянских восстаний, или «аграрных беспорядков», как их называло румынское правительство. Положение румынских крестьян было невыносимо тяжелым. Огромное большинство крестьян не имело собственной земли, а арендовало ее у бояр-помещиков. Неимоверно высокая арендная плата обрекала

крестьян на полуголодное, нищенское существование.

В установлении арендной платы царил полный произвол. При определении ее помещик исходил из одного «принципа»: выжать из крестьян как можно больше. И выжимали, не гнушаясь никакими средствами.

Отчаяние крестьян, их ненависть к паразитам, высасывавшим из них все жизненные соки, нашли выход в массовых восстаниях. Они, как и следовало ожидать, принимали во многих случаях жестокие формы. Угнетатели получали должное.

Чаще всего гнев крестьян обрушивался не на помещиков, а на их агентов-субарендаторов. Большинство румынских бояр очень неохотно занималось самоведением хозяйства и подыскивало себе людей, располагавших достаточными средствами, чтобы взять у них в аренду всю землю. Конечно они стремились сорвать как можно больше с этих субарендаторов. Последние, стремясь извлечь побольше прибыли, в свою очередь немилосердно угнетали крестьян, которым сдавали в аренду землю небольшими участками. В результате этого гнета крестьяне-арендаторы попадали в невероятную кабалу.

В крестьянских восстаниях 1906—1907 годов в Румынии принимали активное участие и многие потемкинцы. Румынское правительство, очень подозрительно относившееся к нам в последнее время, решило расправиться с потемкинцами.

Как-то раз в марте 1907 года, перед концом рабочего дня, нам на фабрике объявили, что в Кымпин приехал министр внутренних дел и хочет поговорить с потемкинцами. Нас приглашали собраться в префектуре. Ничего не подозревая, мы прямо с работы направились туда. Собралось нас восемьдесят два человека. Продолжав несколько минут, мы, вместо министра, увидели

на балконе префектуры усатую физиономию жандармского полковника. Он сделал какой-то знак, и мы очутились в тесном кольце солдат с ружьями наперевес.

В таком положении нам пришлось выслушать короткую, но очень энергичную речь полковника. Не трата лишних слов, он объявил, что мы арестованы и будем отправлены в тюрьму. Закончил он решительным предупреждением, что в случае малейшего сопротивления солдаты будут стрелять, и поэтому нам следует беспрекословно подчиниться.

Раздалась команда, и, подталкиваемые солдатами, мы двинулись на вокзал. Здесь поджидал нас уже специальный поезд, и нам оставалось только войти в вагоны. Куда нас увозили и что с нами намеревались сделать, никто не знал. Конвойные категорически отказались отвечать на вопросы.

«Гостеприимное и гуманное» правительство Румынии показало свои зубы.

Через три-четыре часа поезд остановился в Плоешти. Двери вагонов открылись, нам приказали выходить. И здесь, как и в Кымпине, сомкнулось вокруг нас кольцо солдат. Снова команда «шагом марш», короткая прогулка под дулами винтовок, и мы очутились в тюрьме.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Спрос» на тюрьмы в Румынии всегда был слишком велик, чтобы в них когда-нибудь оставалась свободная «жилплощадь».

Плоештская тюрьма, как и все другие, была переполнена в это время, главным образом, крестьянами-повстанцами. По дороге в тюрьму мы заметили несколько больших групп крестьян, как и мы, окруженных сильным конвоем. Их вели полуголых и босых, хотя было очень холодно и еще лежал снег.

Нас всех, за неимением свободных камер, заперли в какой-то каменный сарай. Он совершенно не был приспособлен для того, чтобы в нем жили заключенные. Не было ни кроватей, ни нар, ни табуреток. К нашим услугам был только холодный цементный пол, кое-где застланный соломой. На нем нам и приказали улечься и не подниматься без разрешения часовых.

Через некоторое время сюда прикатили несколько деревянных кадок в качестве параш и бочку с водой для питья. Этим и закончилось «оборудование» нашей «камеры». Наши протесты привели только к тому, что часовые пригрозили стрелять.

И все же мы протестовали. Каторжный режим не испугал нас, а заставил действовать решительно. Мы

упорно настаивали на приезде к нам министра внутренних дел.

Дней через пять министр явился к нам в сопровождении старого нашего знакомого, старика Доброджана. Министр разразился длинной речью, переполненной обвинениями по нашему адресу.

Он много и долго распространялся о гуманности румынского правительства, предоставившего нам убежище в своей стране и отказавшегося выдать нас царскому правительству. Он нарисовал мрачную картину того, что ожидало нас в России, и очень трогательно сетовал на нашу неблагодарность.

— Живите, работайте, занимайтесь, чем хотите, — говорил он, — только не революционной работой. Какое вам дело до румынских крестьян и рабочих, — вопрошал он, рисуя соблазнительные картинки «спокойной жизни», которую нам предоставляло румынское правительство. Закончил он категорическим требованием нашего полного отречения от революционной деятельности и для верности пригрозил, в случае неповиновения, выслать нас из Румынии.

После министра не менее длинно и весьма сходно с ним говорил Доброджан. Он также убеждал нас в необходимости отказаться от «вмешательства во внутренние дела Румынии».

Наш ответ был единодушен и краток. Без колебаний мы заявили, что от революционной деятельности отказаться не можем, так как именно в ней видим основной смысл нашей жизни.

— Мы ваши пленники, — заявили мы, — и вы можете поступить с нами, как вам будет угодно.

Выслушав наш ответ, министр молча удалился. С нами остался Доброджан.

Вот тогда-то мы и поняли глубоко до конца, что

такое меньшевики. Доброджан, которого мы как-никак считали старым социал-демократом, дал нам наглядный практический пример лакейской услужливости меньшевиков перед буржуазией и соглашательства с ней. Он употреблял все способы и средства, чтобы убедить нас в необходимости дать правительству подписку о прекращении революционной работы. Он доказывал бесплодность этой борьбы, ссылаясь на наше слабое знакомство со «специфическими условиями Румынии», что, по его мнению, мешало нам «правильно ориентироваться». Исчерпав все аргументы, он, как и министр, пригрозил нам высылкой в Россию.

Видя, что все это не оказывает на нас никакого влияния, Доброджан предложил нам «последний выход» — уехать самим из Румынии. Он обещал нам всяческую помощь, гарантировал беспрепятственный переход границы, но при том же условии: дать подписку об отказе от революционной работы.

Возмущенные предательством человека, который прежде казался нам революционером, мы наотрез отказались дать подобную подписку, Доброджан ушел от нас обиженный и разочарованный.

Через две недели нас все же выпустили, но под особый надзор полиции. Въезд в целый ряд городов (в том числе и в Кымпин) был нам запрещен. Нас обязали, кроме того, извещать полицию всякий раз, когда кто-нибудь из нас хотел бы переехать в какой-либо из разрешенных нам для жительства городов. Началась жизнь под неусыпным оком шпионов.

Контролировался буквально каждый наш шаг. Куда бы ни шел любой из нас, обязательно следом тащилась давно опротивевшая уже «серая» личность. Выглянув из окна, мы, как правило, встречали пристальный взгляд шпиика.

Возможно, что известную роль в освобождении нас из тюрьмы сыграли наши семьи. Наши жены, узнав об аресте, немедленно прибыли вслед за нами в Плоешти и стали осаждать тюремное начальство, требуя, чтобы им разрешили свидания и возвратили мужей. Моя жена, например, ставила вопрос ребром, что жить с ребенком без мужа она не может и поэтому настаивает, чтобы ее, как и меня, посадили также в тюрьму. Жены других товарищей также выдвинули подобное же требование. Жен наших посадили в тюрьму.

Здесь, кстати, мне хочется рассказать о том, как моя жена рассталась со своими прежними религиозными убеждениями. После выхода моего из тюрьмы мы попали в чрезвычайно тяжелое положение. У нас не было денег даже на дрова, ребенок же был нездоров, и во что бы то ни стало нужно было протопить комнату. Собрав кое-какой хворост, жена попыталась растопить печь, но это ей долго не удавалось. Немного подумав, она порылась в сундуке, на дне которого хранилась привезенная ею еще из России большая икона «Николая чудотворца», вытащила ее и без колебаний расколола на мелкие щепки. Огонь в печи запылал, разгорелись мокрые сучья. Это был переломный период в мировоззрении моей жены. С тех пор она все больше втягивалась в общественно-политическую работу, и, оставаясь беспартийной до сих пор, всегда была моим верным другом и товарищем во всей моей последующей революционной работе.

Жизнь под надзором полиции вскоре показалась нам невыносимой пыткой. Все чаще мы стали обсуждать вопрос о переезде в другую, более свободную страну, где бы можно было жить и работать. В те годы такой страной слыла Америка. Она-то и привлекала к себе наши мысли. К тому же и из России стали приходить

все более мрачные вести. Там наступала полоса самой черной реакции, которой, казалось, не видно было конца. Надежды на возвращение в Россию слабели, они казались нам все более отдаленными.

В июне 1907 года наша колония решила послать в Америку пару ребят на разведку. Выбор пал на меня и товарища Спинова.

Кое-кто из потемкинцев к этому времени уже успел перебраться в Америку. В Канаде, например, жили Денисенко, Зиновьев и Подружко. К ним мы и решили отправиться.

Я собирался пуститься в путь с женой и ребенком. Остро стал вопрос о деньгах. Их у нас конечно не было, и поэтому пришлось продать все, в том числе и верхнее платье, без которого хоть кое-как можно было обойтись. Некоторую помощь оказали нам товарищи и социал-демократический комитет, то-есть тот же Доброджан, являвшийся его представителем.

Доброджан активно помогал нам выбраться из Румынии. Кроме денег, не менее остро стоял вопрос с паспортами, без которых нам конечно нечего было и думать перейти границу Румынии и вообще пуститься в такое далекое путешествие.

Доброджан снабдил нас паспортами, правда, очень сомнительного качества. Я, например, стал владельцем паспорта на имя некоего Дорфмана, 43 лет, тогда как мне было лишь 26, двадцатилетняя моя жена получила паспорт сорокалетней Елизаветы Дорфман с сыном двухлетнего возраста, тогда как у нас была дочь и к тому же шестимесячная. Но выбирать было не из чего, и мы решили тронуться в путь.

Тогда же Доброджан снабдил нас письмом к одному из офицеров пограничной стражи на австрийской границе и адресом берлинского социал-демократического

комитета на случай, если нам понадобится его помощь.

Все эти хлопоты Доброджана и его помощь объяснялись очень просто. Он с величайшей готовностью содействовал нашему отъезду, поскольку речь шла об отъезде активных большевиков, причинивших ему немало хлопот. Он прекрасно помнил, сколько беспокойства и неприятностей доставили ему профсоюз металлистов, организованный большевиками-потемкинцами, и ряд забастовок, проведенных при их активном участии. Удаляя нас из Румынии, он рассчитывал, что ему легче будет прибрать к рукам оставшихся товарищей, а если нам удастся обосноваться на новом месте, то возможно вслед за нами туда двинутся и остальные потемкинцы и тем самым раз навсегда избавят угодливого меньшевика от источника столь нелюбезных его сердцу смут.

Была и другая причина, обусловившая такое активное содействие Доброджана нашему отъезду. Потемкинцы доставили немало тревог румынскому правительству своей революционной работой, и оно возлагало известную долю ответственности за это на румынских социал-демократов, которые, по его мнению, должны были «опекать» нас. Ссориться с правительством и полицией Доброджану менее всего хотелось — это отнюдь не входило в его расчеты.

Дело в том, что Доброджан, меньшевик, был материально очень неплохо обеспечен. Он владел прекрасным домом в Бухаресте и двумя первоклассными ресторанами в Бухаресте и при вокзале в Плоешти. Все это приносило ему изрядный доход, позволявший неограниченно пользоваться всеми благами жизни. Не ясно ли, почему Доброджану так хотелось поскорее сплавить подальше людей, из-за

которых он рисковал испортить свои отношения с властями?

Помощь его оказалась весьма полезной. Недоверчиво ощупывая предательские паспорта, мы двинулись в путь. На пограничном вокзале разыскали офицера, которому было адресовано письмо Доброджана. Он прочел его очень внимательно и, взяв наши паспорта, куда-то с ними скрылся. Нельзя сказать, чтобы мы чувствовали себя вполне спокойными, пока он отсутствовал, — несоответствие паспортов их владельцам должно было слишком бросаться в глаза. Но волноваться нам долго не пришлось, офицер вскоре явился и, слегка улыбаясь, показал нам завизированные паспорта и билеты до Фиуме. С той же улыбочкой он пригласил нас следовать за собой.

Предстояло миновать кордон. Это беспокоило нас особенно сильно, но, к нашему удивлению, здесь даже не спросили наших паспортов. Другой офицер, занимавшийся здесь проверкой паспортов, видя нас с офицером, спросил его: «кто это?» и, услышав в ответ «свои», перестал интересоваться нами.

Наш проводник усадил нас в вагон и, дождавшись отхода поезда, передал нам паспорта и билеты, задав в то же время совершенно неожиданный вопрос: «Ну, вот все в порядке, а теперь вы скажите ваши настоящие фамилии».

Удивленные этим вопросом, мы все же не сочли нужным скрыть свои фамилии. Офицер улыбнулся нам еще раз и вышел из вагона. Очевидно, Доброджан хотел убедиться в том, что уехали именно мы, а не кто-либо другой, а офицер «по-честному» хотел отработать деньги, заплаченные ему Доброджаном за содействие нам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Так началось наше путешествие в «страну чудес и свободы». Не стану подробно описывать этот длинный и полный для нас тяжелых лишений путь.

Двухнедельное ожидание парохода в Фиуме оставило в нас самое отвратительное воспоминание. Ужасающая грязь, полчища клопов, тараканов и вшей в эмигрантском доме заставляли нас уходить в лес, окружавший Фиуме, чтобы хоть там выспаться на траве.

Двадцатидвухдневное путешествие в четвертом классе парохода компании «Америка Ллойд и К^о» также оставило не лучшее воспоминание. Участь пассажира четвертого класса на этих пароходах была чрезвычайно тяжелой. Пароходоладельцы не церемонились с «путешественниками» подобного рода. Женам, например, ехать вместе с мужьями запрещалось. Даже когда во время шторма жена заболела морской болезнью, меня не пустили к ней и только в виде особой милости разрешили взять к себе ребенка. «Америка Ллойд и К^о» не было дела до того, что ребенку, лишенному материнской груди, грозила смерть: за деньги, уплаченные нами, компания предоставляла нам только право добраться до Америки, а наши человеческие потребности и чувства ее ни в какой мере не интересовали.

Спустя двадцать два дня после отплытия из Фиуме

мы увидели на горизонте нечто вроде гор. По мере приближения парохода их странные очертания все больше нас удивляли.

Наконец мы приблизились к берегу настолько, что смогли уже убедиться в своей ошибке: это были не горы, а гигантские многоэтажные дома, нагроможденные на узенькой полоске земли, далеко врезавшейся в океан.

Увидели мы также и знаменитую «Статую свободы». Она горделиво возвышалась у входа в бухту, точно приветствуя приближавшиеся корабли.

Странное впечатление произвела на меня эта статуя. Я знал, что она является эмблемой «свободной Америки», но вместе с тем я знал и другое. Практичные американцы не сочли возможным оставить это грандиозное сооружение без полезного использования.

Голова статуи служит наблюдательным пунктом, с которого туристы могли любоваться широкой перспективой моря и города. На диадеме статуи оборудован мощный маяк, далеко видимый с открытого моря. В цоколе же и фундаменте расположена тюрьма для особо важных государственных преступников. Трудно подыскать более надежную тюрьму: вокруг море, исключаящее всякую возможность побега. Трудно вместе с тем придумать и более издевательское использование эмблемы свободы.

«Случайно ли такое совпадение этих эмблем?», думалось мне, когда наш пароход проходил мимо статуи.

Нам, эмигрантам, как пассажирам четвертого класса, не разрешили высадиться на пристани Нью-Йорка — здесь высаживались только пассажиры первого и второго классов. После того как они сошли, пароход подошел к Элис Айленду — «острову слез», как его называют эмигранты.

После многочисленных допросов и медицинского освидетельствования нас наконец отпустили с миром, и мы отправились в Монреаль, один из городов Канады, вблизи которого и жили коммуной те несколько товарищей, к которым мы пробирались.

От Нью-Йорка до Монреаля свыше тысячи километров, поезд пролетел это расстояние за одиннадцать часов. Мы впервые тогда ехали в поезде, несущемся со скоростью ста двадцати километров в час. Окна и вентиляторы, несмотря на адскую духоту в вагоне, были наглухо закрыты, так как иначе все внутри вагона было бы забито пылью.

В Монреале мы нашли товарищей Денисенко, Зиновьева и Подружко. С ними жили еще два товарища, не принадлежавших к потемкинцам. Таким образом, до нашего приезда коммуна состояла всего из пяти человек, и мы почти удвоили ее состав.

Коммуну эту организовал полковник русской армии, дезертировавший с русско-японского фронта. Он украл там изрядную сумму казенных денег и, чтобы не подвергаться преследованиям в качестве уголовного преступника, объявил себя «социалистом», политэмигрантом, бежавшим от царского гнета. Коммуна нужна была ему как доказательство его социалистических убеждений, с которыми, само собой разумеется, он никогда не имел даже самого отдаленного знакомства. Организовал он коммуну очень просто: купил участок земли с кое-какими постройками, скот, инвентарь и предложил случайно встретившимся ему Денисенко с товарищами поселиться на этой ферме. Те согласились, и полковник, считая свою работу «на пользу социализма» законченной, исчез навсегда из поля зрения коммунаров, причем, скрывшись, «забыл» оплатить полную стоимость земли. Доходов коммуна не имела ни-

каких, так как земля оказалась очень плохой, и поэтому всем нам через два-три месяца пришлось возвратиться в Монреаль и искать там работы.

Наша коммуна распалась. Мы разбредлись, и я потерял из виду своего старого товарища Денисенко. Дальнейшая его судьба так и осталась мне неизвестной.

Мы попали в тяжелое положение, но судьба некоторых наших товарищей, также отправившихся в Америку, оказалась попросту трагической. Трагически, например, погиб в Аргентине один из лучших потемкинцев Демченко.

Примерно в то же время, что и мы, Демченко с группой товарищей решил попытать счастья в Аргентине. Но они попали туда в тяжелое время — кризис зажал в своих тисках страну, и они оказались безработными. Отчаявшись найти работу в городе, они решили пробраться в деревню, в надежде хоть как-нибудь продержаться там до лучших дней.

В длинный путь пустились без денег и хлеба. Обесиленные голодом, они скоро потеряли дорогу и заблудились в степи. Едва передвигая ноги, плелась по безлюдной раскаленной пустыне жалкая кучка людей. Демченко, как всегда, успокаивал всех, стараясь поддержать бодрость в отчаявшихся товарищах.

Подошли к широкой реке, долго соображали, как перебраться через нее, и решили устроить плот из мелкого кустарника. Ветер и быстрое течение разбили этот жалкий плот, и все очутились в воде.

Течением Демченко, наиболее истощенного из всех, отнесло в сторону, и он решил повернуть назад, не надеясь добраться до другого берега. С трудом выбравшись из воды, он увидел, что остальные благополучно переплыли реку, и, стараясь не упустить их из виду,

пошел вдоль берега, в том же направлении, что и они.

Медленно тянулся день. Напрягая остаток сил, Демченко и его товарищи на противоположном берегу реки брели вперед. Наступил вечер. С заходом солнца появились тучи комаров. Они слепили глаза, забирались в нос и уши, за воротник, ранив тело бесчисленными укусами.

Ночь навсегда скрыла от товарищей фигуру их верного друга Демченко. Как только рассвело, товарищи звали его, они кричали долго, но безуспешно...

Демченко, пламенный борец за дело пролетариата, умер в ту ночь от голода и комариных укусов.

Приблизительно в ноябре 1907 года я поступил на фабрику, изготавливавшую различные железные изделия: кровати, лестницы, решетки, ограды. Заработок мой составлял полтора доллара (около трех рублей) за десятичасовой рабочий день. Работал я в качестве слесаря, но зарплату получал как помощник слесаря. Вскоре я выяснил, что такое несоответствие вызывается незнанием английского языка и тем, что я не состоял в профсоюзе. Ознакомившись с работой и обстановкой, я решил вступить в союз механиков, но это, к сожалению, оказалось неосуществимым.

При вступлении в союз требовался единовременный взнос в двадцать пять долларов и ежемесячные взносы по два с половиной доллара. Такими деньгами я не располагал. Пришлось отложить вступление в союз до лучших времен, тем более, что на фабрике, где я работал, быть членом союза не являлось обязательным условием, на первое время, во всяком случае.

Очень скоро я убедился, что в Монреале живет огромное количество русских эмигрантов. Их насчитывались десятки тысяч. Среди эмигрантов было немало социал-демократов: и большевиков и меньшевиков.

Сблизившись со многими из них, я узнал, что значительное количество эмигрантов состоит в Американской социалистической партии, но вместе с тем русские социал-демократы остаются разрозненными и организационной связи с Женевой не имеют. Чтобы включиться в рабочее движение Америки, и я вступил в Американскую социалистическую партию.

Среди русских политэмигрантов выделялись своей политической активностью Кугаенко, Яша Черный, Таня Раппопорт, Саша Певзнер, Ю. Васильчук (Мальцев). Я очень быстро сблизился с ними, и вскоре мы решили организовать Русский социал-демократический отдел при Американской социалистической партии. Около полугода я был секретарем этого отдела, а затем постоянным членом его бюро.

Мы потратили много усилий, чтобы наладить связь с Женевой, и, в конце концов, добились этого. К нам стала поступать политическая литература, издававшаяся в Женеве, и, в частности, «Пролетарий». Наш отдел в то же время вел агитационно-пропагандистскую работу среди русских эмигрантов. Мы организовали целый ряд кружков и школ, где преподавались политэкономия, теория профессионального движения и изучали английский язык.

В начале 1908 года мы начали усиленно готовиться к празднику Первого мая. Мы надеялись, что в Америке, слывшей «свободной» страной, нам удастся отпраздновать этот день как следует. Разучивали революционные песни, готовили плакаты и знамя. Но нас ожидал жестокий удар.

Накануне 1 Мая мы получили директиву ЦК Американской социалистической партии о том, что 1 Мая все должны работать целый день и только вечером будут проведены собрания. И не только это поразило нас:

ЦК категорически запретил появление на собраниях со знаменами, плакатами, а также запрещались и выступления без предварительного согласования списка ораторов с ЦК.

Директива эта не только разочаровала, но и возмутила нас. Мы собрали свою группу и, обсудив положение, решили не подчиняться этой директиве. В противовес ей было решено на работу 1 Мая не выходить, а вечером явиться на митинг и со знаменем и с плакатами, подняв их в самый разгар митинга. Это свое решение мы выполнили.

Вечером собрался большой митинг. Все шло чинно и гладко. Тихо и пристойно стояла огромная толпа, со вниманием слушая в меру революционные речи ораторов. Выждав удобный момент, мы пробрались в самую гущу митинга и, развернув свое знамя и плакаты, подняли их над головами. Солидная торжественность митинга мгновенно оказалась нарушенной.

Американская полиция, проявив большую оперативность, немедленно и очень решительно ринулась в толпу, пробиваясь сквозь нее к нам. Поднялся шум, началась свалка. Дубинки полицейских гулко застучали по головам и спинам, тяжелые кулаки рабочих тоже замелькали в воздухе, с треском опускаясь на головы полисменов. Через минуту мы оказались в центре всеобщей драки.

Сбившись в тесный кружок, мы некоторое время стойко держались, удачно отбивая яростные атаки полисменов, но ведь дубинки тяжелее кулаков, и к тому же врагов было очень много. Один за другим падали плакаты, и вот уже полиция у самого знамени... Но оно не упало!

Настала тишина, прерываемая только тяжелым дыханием людей, разгоряченных дракой. Все старались раз-

глядеть за широкими спинами полисменов того, кто держал знамя, удивляясь, почему оно попрежнему развевается над головами. И вдруг случилось нечто непонятное: знамя поднялось еще выше, а вместе с ним над головами полисменов появилась маленькая фигурка Тани Раппопорт. Она, улыбаясь, сидела на руках полисменов и высоко поднимала знамя.

Это было прекрасное и вместе с тем своеобразное зрелище: молодая девушка с бледным лицом и горящими глазами крепко держала революционное знамя, сидя на руках у смущенных дюжих полисменов...

Эта странная группа пробралась сквозь пораженную толпу, и наша Таня вместе со знаменем скрылась в бронированной полицейской карете.

Все объяснялось очень просто. По американским законам полиция не имела права учинить насилие над женщиной. Таня категорически отказалась отдать знамя полисменам. Не имея другого выхода, они вынуждены были поднять отважную девушку со знаменем на руки и унести в карету.

На другой день все газеты были полны описаний нашего побоища. Во многих из них появились наши портреты и фотографии отдельных эпизодов драки с полицией. Ясное дело, нас не восхваляли, а, наоборот, всячески ругали как «нарушителей порядка», но центральное место в статьях и иллюстрациях занимала «маленькая женщина», так мужественно защищавшая свое красное знамя. Ее героизм восхитил даже буржуазных писак.

А у нас на другой день здорово болели спины и плечи, но мы были веселы и горды тем, что нам удалось все же влить живую революционную струю в эту жалкую соглашательскую демонстрацию.

Это было наше первое «боевое крещение» в стране

пресловутой «свободы». Десять лет я прожил в Америке, и ни разу в течение их нам не было разрешено праздновать 1 Мая.

Местные социалисты не считали возможным нарушать приказания полиции и поэтому даже не смели думать о настоящих революционных маевках. Из года в год вечером 1 Мая собирались скромные митинги в закрытых помещениях. Мирно выслушивали спокойных ораторов и мирно же расходились по домам. С началом мировой войны стало еще хуже. Были запрещены даже эти вечерние митинги в закрытых помещениях. Так выглядели хваленая американская «демократия» и республиканский строй «свободной Америки», о котором так много кричали в те годы меньшевики и оппортунисты всех стран.

Много лишений и трудных дней пережил я за годы жизни в Америке. Многое забылось, а многое теперь мне кажется несущественным, поэтому я не стану год за годом рассказывать о своей жизни. Чтобы прокормить семью и себя, мне пришлось тратить очень много сил и энергии. Моя основная профессия — слесарь высокой квалификации. Казалось бы, это должно было обеспечить мне достаточно высокий заработок для того, чтобы могла прожить небольшая рабочая семья, к тому же с более чем скромными потребностями. На самом же деле, чтобы избежать голодной смерти, мне приходилось браться за всякую работу. За эти 10 лет я работал и батраком на ферме, и кузнецом, и молотобойцем, и чернорабочим. Носил я и кирпич на стройках, возил цемент, пробивал горы, работая на стройках железной дороги, работал на кожевенном заводе. Трудно перечислить все виды труда, за которые я хватался и в Канаде и в Америке, чтобы избежать голода.

Безусловно, мне очень мешали прочно устроиться и мои революционные убеждения. Из-за них частенько мне приходилось уходить с работы. Хозяева в «свободной» Америке, как и в царской России, отнюдь не симпатизировали сознательным рабочим. К тому же и по натуре своей я не способен был примиренчески относиться к издевательствам над рабочими, а с таким характером рабочему трудно обеспечить себе постоянную работу в Америке. В этой связи вспоминается мне инцидент, случившийся на кожевенном заводе.

Условия работы там были невыносимо тяжелые. Трудно даже представить себе нечто подобное этому заводу в смысле полнейшего игнорирования самых элементарных правил санитарии. Ужасающее зловоние гниющих кож, острый удушливый запах нашатырного спирта и грязь, покрывавшая толстым слоем пол, делали почти невозможным сколько-нибудь длительное пребывание на заводе. Но я в тот период особенно нуждался и поэтому дорожил даже такой работой. Ко всем «прелестям» прибавлялось еще исключительно грубое и часто прямо издевательское отношение к рабочим со стороны мастеров и смотрителей. Среди них один отличался особой свирепостью и буквально не давал вздохнуть рабочим, осыпая их грубыми оскорблениями и руганью. Я долго сдерживал себя, но как-то раз он уж слишком зло издевался над рабочими, и я не выдержал — запустил в него козелками, на которых вытягивал кожу. Чьи-то услужливые руки перехватили козелки раньше, чем они обрушились на голову смотрителя, а на меня набросились несколько человек, связали мне руки и вытолкнули на улицу. Через несколько минут калитка открылась снова, и из нее вылетели в грязь мои вещи и причитавшийся мне заработок. Жаловаться на смотрителя было явно безна-

дежным делом, и мне оставалось только пожалеть о том, что козелки мои не достигли цели.

Особенно круто приходилось рабочим во время перевыборов президента. Буржуазные политики не останавливались ни перед какими сомнительными средствами, лишь бы собрать для своего кандидата побольше голосов. Хозяева фабрик и заводов ставили своим рабочим ультимативные требования голосовать лишь за кандидата, которого они поддерживали, либо уходить с работы. Всех, кто пытался выступить против кандидата, поддерживаемого хозяином, без лишних разговоров выбрасывали за ворота предприятий. Не удивительно поэтому, что Дебс, кандидат Американской социалистической партии, выставившийся ею в те годы, всякий раз при перевыборах президента собирал так мало голосов. Рабочие рисковали остаться без всяких средств к существованию, если бы решились голосовать за социалистического кандидата вопреки воле хозяев.

В 1915 году я получил работу на одном из бруклинских заводов в Нью-Йорке. Это был период стремительного развития американской промышленности. Объявив «нейтралитет», Америка снабжала оружием и военным снаряжением обе воюющие стороны. Небывалые военные действия требовали гигантского количества оружия и военных припасов, и капиталисты получали огромные прибыли. Золото рекой лилось в подвалы американских банкиров.

С молниеносной быстротой возникали новые промышленные гиганты, реконструировались старые заводы. Одновременно капиталисты возводили новые роскошные виллы и целые города. Поэтому всюду чувствовался острый недостаток рабочей силы, так как война, закрыв границы, прекратила иммиграцию рабочих, а

она служила всегда главным резервом рабочей силы в Америке. Чрезвычайно быстро поэтому развивалась рационализация производства, вводились новейшие усовершенствования, сокращавшие потребность в рабочей силе, и наряду с этим проводилась широкая работа по вовлечению в производство женщин и подростков.

Вся капиталистическая пресса Америки вела напряженную агитационную кампанию, изоцпляясь в аргументации и убеждая общественное мнение в целесообразности и правильности широкого привлечения женщин на фабрики и заводы. Их ставили на всякую работу, абсолютно не считаясь с физическими силами. Особенно большого размаха вовлечение женщин в производство достигло после того, как Америка включилась в войну. Объявив обязательную воинскую повинность, американское правительство забрало в армию всех годных к ношению оружия мужчин.

Когда же война закончилась, американская пресса повела не менее энергичную кампанию, но уже обратного рода: за возвращение женщины к ее «прямым» обязанностям. Женщин стали увольнять даже без предупреждения, абсолютно не считаясь с тем, как это увольнение отражалось на материальном положении семьи, в которой нередко эти женщины являлись единственными работниками. Газеты же в это время пели трогательные гимны семье, домашнему уюту и женщине, которая на сей раз, по их мнению, должна была только семьей и заниматься.

В годы войны наша большевистская организация в Америке очень выросла и окрепла. Разгоралась ожесточенная борьба с меньшевиками за влияние на массы. Особенного напряжения она достигла в 1916 году. Социал-демократическая газета «Новый мир» до этого

времени находилась под влиянием меньшевиков. Мы после энергичной борьбы отобрали «Новый мир» у меньшевиков и создали свою большевистскую редколлегия.

В нашей организации выделилось уже тогда крепкое партийное ядро, умело и правильно организовавшее ее работу. Мы вели большую работу среди политэмигрантов и подготовили из них немало борцов за дело пролетарской революции.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В феврале 1917 года мы получали очень мало известий из России, а к концу месяца они прекратились совсем. Всех нас томила неизвестность, в русской колонии циркулировали всякого рода слухи и предположения. Совершенно неожиданно 2 марта была получена телеграмма о революции в России. Телеграмма была очень лаконична; сообщалось только, что Николай Романов отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Никаких подробностей, которые позволяли бы судить о политическом характере происходящих событий, не сообщалось, и это очень волновало всех нас.

Тем не менее весть о революции вызвала бурю восторгов и ликований в колонии. Наша большевистская группа была уверена в том, что отречение Николая является лишь началом революции, которая не ограничится только сменой монархов.

Мы немедленно развернули активную работу: организовали ряд митингов, на которых выступали многие большевики. Немедленно же связались со всеми русскими группами в Америке, и работа закипела. Наряду с разъяснительной и агитационной кампанией мы проводили подготовку к организованному массовому выезду русских политэмигрантов в Россию.

Митинги и демонстрации следовали почти непрерывно. Пользуясь несколько удивившим нас попустительством полиции, мы шествовали по улицам Нью-Йорка с революционными песнями и организовывали летучие митинги на людных улицах и площадях. Но, как и следовало ожидать, либерализм американской полиции оказался скоропреходящим.

Третий день наших демонстраций подходил к концу. Усталые и радостно возбужденные, мы большой толпой возвращались с только что закончившегося митинга. Шутили, смеялись, пели. И вдруг из боковой улицы наперерез нам высыпала целая шеренга полицейских. Без всякого предупреждения они набросились на нас с клобами¹ и стали так усердно избивать нас, что многие тотчас же растянулись на земле, а остальные проявили исключительную резвость ног. Никого из нас не арестовали, но очень многим пришлось несколько дней отлеживаться в постели.

Оправившись от столкновения с «демократической» полицией, наша большевистская организация деятельно занялась практической подготовкой отъезда в Россию. Трудно передать, с каким нетерпением каждый из нас рвался из Америки. Это был тот долгожданный день, о котором мы мечтали многие годы. Всякий раз, когда жизнь слишком угнетала нас, когда лишения и нужда казались особенно тяжелыми,—только в этих мечтах и надеждах мы черпали бодрость и силу для дальнейшей борьбы. Поэтому, думается, излишне описывать, как лихорадочно готовились мы к отъезду. Но подготовка носила все же организованный характер. Сказывались многолетняя партийная дисциплина и привычка подчинять личные стремления интересам дела.

¹ Клобы — резиновые палки.

Мы не просто рвались на родину, а спешили стать в ряды борцов за пролетарскую революцию.

Мы организовали комитет по отправке политэмигрантов в Россию. Вошли в этот комитет по одному представителю от всех партий. От большевиков ввели меня. Комитет стал работать очень энергично.

В русском консульстве все еще сидели по преимуществу царские чиновники, относившиеся к нам враждебно. Консульство само по себе ничего не предпринимало, чтобы вернуть русских граждан на родину. И лишь после энергичного нажима мы получили от консульства средства и наладили систематический выезд в Россию по нескольку сот политэмигрантов в день. Отправляли мы их не только через Нью-Йорк, но и через Сан-Франциско, Галлифакс и Ванкувер.

Волна отъезжавших была настолько велика, что мы, комитетчики, очень быстро выбились из сил и взмолились о замене. К тому же ведь и сами мы не меньше других рвались в Россию. Но все же моя очередь подошла только в августе.

Работая в комитете, я в то же время работал по заданиям парторганизации среди русских моряков, прибывавших в Нью-Йорк. В апреле, например, сюда приехала большая партия русских матросов, присланная Временным правительством для приемки военных судов, заказанных в Америке еще царским правительством.

Я очень быстро убедился в том, что вести революционную работу среди этих матросов вовсе не легко. Оказалось, что Керенский со своими приспешниками очень тщательно подобрали эту группу матросов и ответственным образом их распропагандировали.

Все они объявляли себя «верными слугами демократической России». Первые же мои слова о необходимости бороться против империалистической войны, вы-

звали бурю негодования и протестов. Я понял, что «в лоб» здесь не возьмешь. Стал присматриваться, изучать людей. Через несколько дней я выделил несколько человек, с которыми, по-моему, можно было поговорить по-душам. Осторожно я стал сближаться с ними. Хорошо зная матросскую среду, я проделал это довольно успешно и спустя немного времени смог уже провести с ними групповую беседу. После этого дело пошло значительно легче и быстрее. Я связал этих матросов с несколькими нашими пропагандистами, и нам удалось окончательно распропагандировать эту группу. Прошло еще несколько дней, и мы могли, опираясь на сколоченное нами ядро, провести несколько массовых бесед и лекций по текущим политическим вопросам.

Но все же не обошлось без инцидента, который едва не закончился трагически. Темой одного из первых докладов было Учредительное собрание. Товарищ, выделенный нашей организацией для этого доклада, не учел характера аудитории и, анализируя роль и значение Учредительного собрания, допустил несколько резких критических выпадов по адресу его. Поднялся невообразимый шум. Сторонники «учредилки», среди которых немало было пьяных, пустили в ход стулья и скамейки. Матросов, находившихся под нашим влиянием, было еще мало, и нам с трудом удалось вырвать злосчастного оратора из рук разъяренной толпы. Подошел наконец день и моего отъезда. В нашей группе большевиков ехало 72 человека. Было и человек 6—7 меньшевиков. Весело и радостно пересекали мы океан, приближаясь к долгожданной революционной России. Велись нескончаемые беседы, строились планы будущей борьбы, время от времени вспыхивали ожесточеннейшие споры с меньшевиками. Предме-

том этих споров было отношение к Учредительному собранию, вопрос о форме власти в России и многое другое, что остро волновало всех политэмигрантов. Разногласия с меньшевиками за годы жизни за границей приобрели крайне острый характер, но все же мы не знали еще, какой характер они успели принять в России. Узнали мы об этом через несколько дней.

Опьяненные радостью возвращения, высадились мы в Христиании и нетерпеливо осадили свой большевистский комитет и консульство, добиваясь скорейшего отъезда в Россию. Как громом поразило нас известие о запрещении большевикам въезда в Россию. Ошеломленные этим известием, мы продолжали настаивать на выдаче нам пропусков, но все наши старания были безуспешны. Единственно, чего мы добились, это того, что нам посоветовали отправиться в Стокгольм и там ждать разрешения Временного правительства.

Мы так и сделали, но и в Стокгольме наше положение ничуть не изменилось. Тут только мы узнали, что запрещение въезда большевикам в Россию вызвано июльскими событиями в Петрограде. Все ярче вырисовывалась предательская роль меньшевиков и эсеров, завершавших свое превращение в верных лакеев капитализма и злейших врагов пролетарской революции.

В Стокгольм в это время приехал Рабинович, член меньшевистского ЦК. Он провел беседы среди политэмигрантов на тему «О войне до победного конца». Ему пришлось пережить несколько неприятных минут: мы заглушили восторженные аплодисменты меньшевиков ураганом свиста, криков и шума.

С этого момента борьба большевиков с меньшевиками среди собравшихся в Стокгольме политэмигрантов приобрела характер непрерывной войны. Мы яростно нападали на меньшевиков, клеймя позором предатель-

Потемкинцы, награжденные ЦИК Союза в июне месяце 1935 г. грамотами за участие в восстании в 1905 г. на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Сидят слева направо: 1) Лычев, 2) П. В. Алексеев, 3) Резниченко, 4) Спинов, 5) Зиновьев. Стоят слева направо: 1) Сыров, 2) Царев, 3) Солодов, 4) Недбайлов.

ство их собратьев в России, и нетерпеливо ждали развязки той великой борьбы, в которой были лишены возможности лично участвовать. Мы твердо верили в победу пролетарской революции — и не ошиблись!

Поздно ночью 26 октября в гостинице, где мы жили, в то время как все спали мертвым сном, раздался громкий крик:

— Товарищи, вставайте! Товарищи, в России победили большевики! Ур-а-а!

✱

Второго ноября мы приехали в красный Питер. Я не нахожу слов, чтобы передать все, что я чувствовал

в эти минуты. Сбылись все мои самые смелые мечты и надежды. Гром пушек «Потемкина» на Одесском рейде, казалось мне, слился в единый залп с выстрелами «Авроры» на Неве и грозным гулом могучих красногвардейских колонн. Я смотрел на них полными радостных слез глазами, и мне казалось, что я снова нахожусь на борту революционного «Потемкина».

«Да, настоящая борьба за свободу, борьба не на жизнь, а на смерть только еще начинается. Революционный броненосец еще не сказал своего последнего слова»¹, — писал в дни восстания «Потемкина» великий Ленин. Это «слово» спустя 12 лет произнесли миллионы вооруженных пролетариев, организованных в могучую революционную армию Лениным и Сталиным и нашей великой партией.

Вечером в день приезда я впервые услышал в Смольном пламенную и убедительную речь Ильича. Страстно и непримиримо громил он врагов пролетарской революции, срывая маски с социал-предателей. Его слова жгли и закаляли волю. Они четко освещали пути к победе.

Мои двенадцатилетние скитания, исполненные тоски по революционной борьбе, закончились. Молодая Советская страна, окруженная врагами, нуждалась в бойцах, и я через пять дней, с мандатом ЦК большевиков, выехал из Питера.

¹ Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 391, изд. 3-е.

